

ЮЛИЯ *Женищина, которой смотрят вслед*
ШИЛОВА

КРИМИНАЛЬНАЯ
МЕЛОДРАМА

A portrait of actress Yulia Shilova with blonde hair and bangs, smiling. She is wearing a black and white striped strapless top. The background is a gradient of yellow and orange.

**Шаги
по стеклу,**

или Я знаю о мужчинах всё!

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ + СУДЬБЫ В ПИСЬМАХ

Юлия Витальевна Шилова

Шаги по стеклу, или Я знаю о мужчинах всё!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592595

Шаги по стеклу, или Я знаю о мужчинах всё! / Юлия Шилова: АСТ:

Астрель; М; 2010

ISBN 978-5-17-068997-2, 978-5-271-29591-1, 978-5-226-02807-6

Аннотация

Девушка из провинции Светлана решила поступить в театральный институт и покорить Москву. Она приезжает в столицу, не имея тут ни друзей, ни знакомых, надеясь только на красоту и талант.

С первых шагов наивная простушка попадает в лапы афериста, который решил продать её... в сексуальное рабство! Светлану подхватывает водоворот невообразимых событий. Чудом избежав смертельной опасности, спасаясь от бандитов и милиции, она проходит через трагическую любовь, горькое предательство, утрату друзей, но Москва всё же раскрывает ей свои объятия...

Содержание

От автора	4
Посвящение	7
Пролог	13
Глава 1	32
Глава 2	52
Глава 3	65
Глава 4	79
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Юлия Шилова

Шаги по стеклу, или Я знаю о мужчинах всё!

От автора

Дорогие мои друзья, я очень-очень рада встретиться с вами вновь! Мне так приятно, что вы держите в руках эту замечательную книгу!

В своих письмах довольно часто вы задаёте мне один и тот же вопрос – как отличить мои новые книги от тех, которые были изданы несколько лет назад, ведь теперь у них другие названия? Это очень просто. На новых книгах написано: **НОВИНКА**. На книгах, вышедших ранее: **НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ**. Поэтому будьте просто внимательны.

Я бесконечно благодарна читателям, которые коллекционируют мои книги в разных обложках и имеют полное собрание. Для меня это большая честь и показатель того, что я нужна и любима. Переизданные книги заново отредактированы, а у меня появилась потрясающая возможность внести дополнения и новые размышления. Теперь я отвечаю на ваши вопросы в конце книги, рассказываю, что происходит в моей творческой жизни, да и просто делюсь тем, что у меня

на душе. Для меня всегда важен мой диалог с читателем.

На этот раз я представляю на ваш суд ранее издававший-ся роман «Золушка из глубинки, или Хозяйка большого города», у которого теперь новое название: «Шаги по стеклу, или Я знаю о мужчинах всё!» Думаю, он обязательно понравится тем, кто будет читать его впервые, а если кто-то захочет перечитать роман заново, я уверена, ему будет безумно интересно пережить все события заново. Я сама перечитала эту книгу совсем недавно и получила колоссальное удовольствие. Книга живая, интересная и динамичная. Искренне надеюсь, что она ни в коем случае вас не разочарует и придётся вам по душе.

Спасибо за ваше понимание, любовь к моему творчеству, за то, что все эти годы мы вместе. Я рада, что многие согласились – мои переиздания представляют ничуть не меньшую ценность, чем новинки, которые только что вышли из-под моего пера.

Спасибо, что вы помогли мне подарить этому роману новую жизнь. Если вы взяли в руки эту книгу, значит, вы поддерживайте меня во всех моих начинаниях. Мне сейчас, как никогда, необходима ваша поддержка...

Я бесконечно благодарна за вашу любовь, неоценимую поддержку, дружбу и за то, что наша с вами любовь так звучна.

Заходите на мой сайт: WWW.SHILOVA-AST.RU

На этом сайте я с удовольствием общаюсь со своими по-

клонниками.

Не забывайте, что изменился адрес моего почтового ящика для ваших писем:

129085, Москва, абонентский ящик 30.

Пожалуйста, не пишите на старый. Он больше не существует.

До встречи в следующей книге. Я приложу все усилия, чтобы она состоялась как можно быстрее.

Любящий вас автор, Юлия Шилова.

Посвящение

Москва – это город необычайно сильных и неординарных личностей, и одной из них мне и хочется посвятить свой роман. Героиню романа зовут Светланой, которая, как и сотни других девушек, приехала в Москву в поисках счастья. Москва её закружила, а московский образ жизни подействовал как наркотик, она поняла, что это её город, её ритм жизни, и она решила сделать всё возможное, чтобы навсегда здесь остаться. Она поделилась со мной своими секретами, жизненными неудачами, поражениями и победами. Светлана упорно шла к поставленной цели, порой удивляясь сама себе – она не догадывалась, что у неё такая сила воли. Я перечитывала письмо Светланы и во многом узнавала себя. Я, как и она, счастлива в этом городе потому, что нашла здесь любимую работу, близких сердцу друзей и любимого человека. Хотя у счастья нет географии. Кто-то находит свою судьбу в родном городе, кто-то за рубежом, потому что самое главное – это стать счастливым, и неважно где – в Москве, Калуге или Волгограде. Нужно просто любить город, где мы живём, и желательно хоть что-то для этого города сделать. Я часто вспоминаю Владивосток. Там живут почти все мои родственники. Это потрясающий город, и необыкновенно красивое море. Приморье навсегда останется в моём сердце, потому что оно меня вырастило, закалило, воспитало и дало путёвку

в жизнь. Мы все жители одной страны и патриоты тех мест, в которых живём. Москва приняла меня не просто. Она далась мне значительно тяжелее, чем я могла себе только представить. Долгие годы живя в Москве, я никогда не забываю родное Приморье. Слежу за погодой, за новостями, не забываю про родственников. Нас разделили безумно дорогими ценами на билеты и дорогими тарифами на переговоры, но нить общения между родными людьми разделить невозможно, как бы ни старались те, кому это подвластно. Я вспоминаю Приморье, но я безумно люблю Москву... В моей памяти навсегда останется поезд «Владивосток – Москва» и эти семь суток, проведённые на колёсах. Пассажиры, сменяющие друг друга, заходящие на различных станциях и спрашивающие меня о том, на кой чёрт мне сдалась эта Москва. Я буду всегда благодарна тем людям, которые встречались на том отрезке жизни, когда я вживалась в столицу. Они были разные, но больше было хороших. Мне вообще везёт на хороших людей.

История Светланы достойна пера. Она из тех, кто может подойти к своей жизни с расчётом. Она смогла стать хозяйкой своей судьбы. Эта женщина знает, чего она хочет. Её отношения с окружающим миром функциональны и прагматичны. Москва научила её не верить словам и судить о людях только по их делам, потому что одни красивые слова без каких-либо дел ничего не стоят. Если новый день ничем не отличается от предыдущего и не приносит ни перемен, ни

положительных результатов, она не отчаивается и понимает, что пусть это не самый лучший день, но ведь это ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ ЕЁ ЖИЗНИ, а это значит, что она приложит все усилия для того, чтобы прожить его как можно лучше. Она знает правила игры выживания, и если кто-то ударит её по щеке, никогда не подставит ему вторую, а сумеет дать сдачи. Она уверена, что женщина должна постоянно меняться и удивлять... Москва научила её выживанию, душевной силе и умению на начальном этапе разглядывать мнимых доброжелателей. Москва научила её никогда не опускать рук и верить в то, что у неё всегда всё получится. Она знает, в какие двери нужно входить и как с кем разговаривать. У неё настолько сильная энергетика, что тому, кто находится рядом с ней, начинает казаться, что у него спешат часы. В её обществе любой мужчина начинает чувствовать себя джентльменом. Она ЖЕНЩИНА, которая сделала себя САМА.

Светлана искренне любит Москву, но иногда ей становится больно оттого, что в больших, казалось бы, городах так много равнодушных людей. Судьба не раз испытала её на прочность. Эта женщина многое пережила, но самое страшное то, что она пережила «Норд-Ост».

Она была заложницей и выжила чудом. С тех пор прошло несколько лет, но она до сих пор часто просыпается в холодном поту после какого-нибудь кошмарного сна, кричит по ночам и вспоминает детали самых жутких дней своей жизни. Её жизнь разделилась на два отрезка. Один – это тот,

когда она жила до «Норд-Оста», а второй – после него, когда она поняла, что тот спектакль отнял у неё не только веру в завтрашний день. Он отнял у неё здоровье. Она осталась жива, и она знает, что такое кошмар наяву. После этого события она посмотрела на свою любимую Москву совсем другим взглядом. Она вдруг увидела вокруг себя множество равнодушных людей. Ей стало слишком одиноко, и она называет свой город городом душевного одиночества. Она по-прежнему любит Москву, только не может понять, почему в наше время люди могут быть настолько одиноки в больших городах, ведь кругом море людей, но при этом никому нет друг до друга дела. А ещё она не может понять, почему люди так быстро обо всём забывают и не находят в своей душе хотя бы чуточку места до чужой боли.

Я уверена, что для того чтобы в этой жизни чего-то добиться, не обязательно учиться на своих собственных ошибках и платить за успех столь дорогой ценой, можно сделать выводы и на чужом опыте и постараться допустить как можно меньше промахов. Учиться действительно можно на чужом опыте, ибо воистину говорят, что чужой опыт бесценен.

Я выношу на ваш суд судьбу нашей соотечественницы, потрясающе сильной женщины, письма которой не смогли оставить меня равнодушной, и я тут же взялась за перо. Такие женщины, как Светлана, вызывают неподдельную гордость, потому что она деятельная, сильная, способная, и она знает, что любая из нас в состоянии влиять на обстоятель-

ства и жить так, как ей хочется. С самого детства она ставила жизненную планку высоко и верила, что достойна лучшей жизни.

Она пережила потерю любви, криминал, который буквально ворвался в её жизнь и перевернул всё кверху дном, отчуждение, душевную боль, одиночество и «Норд-Ост». Она никогда и ничего не просила у государства, всего добивалась сама. Единственное, на что рассчитывала, так это на безопасность, но и тут она просчиталась, потому что в очередной раз поняла, что те, кто наверху, никогда не защитят её от террора, а это значит, что при любых обстоятельствах ей нужно рассчитывать только на саму себя.

А ещё. Ещё она верит, что у нас не всё потеряно, что настоящие и благородные МУЖЧИНЫ не перевелись, просто они не всегда показывают своё благородство. Она верит, что мир изменится и станет добрее. Обязательно станет, хотя бы потому, что в этом мире ещё есть такие замечательные мужчины, как доктор Рошаль... С такими, как он, не страшно... С такими, как он, хочется жить, любить, творить и благодарить... Таким, как он, хочется стирать рубашки, печь пироги, рожать детей, сдувать пылинки с их пиджаков, быть просто ЖЕНЩИНОЙ и молить Господа Бога о том, чтобы такие, как он, жили как можно дольше, чтобы судьба была к ним благосклонна, потому что без них нам будет по-настоящему страшно и мы поймём, что нас больше некому защитить, а ведь мы все так нуждаемся хотя бы в маленькой тропинке

взаимопонимания и доверия...

Юлия Шилова.

Пролог

Сильные рождаются в провинции, а умирают в столице.

Неизвестный автор

Я смотрю на собравшихся в банкетном зале людей и устало улыбаюсь. Я даже не могла представить, что на мой сегодняшний праздник соберётся так много народу. Гости произносят красивые, торжественные тосты, восхваляют меня за мои настоящие и придуманные заслуги. Все говорят многословно и очень витиевато, понимая, что я люблю лесть. Сегодня мой день рождения. Господи, кто бы мог подумать, но мне исполнилось сорок лет! И я сейчас предмет общего обожания. Мне преподносят роскошные подарки, поют дифирамбы, дарят цветы, целуют руки. Приглашённые смотрят на меня, не скрывая своего восхищения! Я получила кучу телеграмм, приняла бессчётное количество телефонных звонков...

Я провела язычком по пересохшим от волнения губам, подняла бокал шампанского и обвела взглядом собравшихся в зале гостей.

— Хочу поблагодарить всех, кто почтил сегодня меня своим присутствием на этом вечере!..

Как всегда мой голос звучал томно и немного игриво, в

нём чувствовались твёрдость, самодостаточность и безграничная уверенность в себе. Подобная интонация стоила мне многого. Было время, когда я записывала свой голос на плёнку, прослушивала, искала изъяны и работала над собой. Я всегда знала, как женщина должна подать себя, начиная со своего голоса. Боже мой, сколько же лет прошло, когда я начала исправлять свои дефекты речи и вырабатывать особый тембр голоса. Это было первым условием вживания в столицу. Сначала я перекроила свой голос, а уж когда появилась финансовая возможность, привела в идеальный порядок рот, теперь у меня красивые белоснежные зубы. Голливудская улыбка необходима для покорения мира. Эти, казалось бы, на первый взгляд мелочи всегда могут испортить первое впечатление и сыграть крайне неприятную роль. Так вот, мой голос... Он завораживает и заставляет людей внимательно слушать всё, что я говорю. Когда-то у меня не было денег ни на логопедов, ни на стоматологов. Всё, что я могла себе позволить, – так это засовывать орехи в рот и учиться правильно произносить слова. Уж я-то всегда знала, что если у меня не будет потрясающего голоса и красивых зубов, то никогда не исчезнут комплексы, зажатость и неуверенность в себе.

– Я рада, что собралось такое большое количество гостей, потому что каждый из вас мне по-своему дорог, – продолжила я свою речь. – Не хочу думать о том, что сегодня мне сорок! Не хочу, потому что в душе мне всегда восемнадцать

и у меня, как и прежде, всё впереди. У женщины нет возраста! Говорят, что сорок лет не отмечают, но я устроила этот праздник потому, что раньше, в молодости, у меня не было возможности отпраздновать этот день так, как я могу сделать это сейчас...

Я посмотрела на роскошные столы, которые просто ломились от деликатесов и элитного спиртного. Затем перевела взгляд на множество красивых воздушных шаров и... ощутила, как на глаза набежали слёзы. Одному господу известно, чего мне это стоило...

— Я хочу, чтобы сегодняшний вечер запомнился нам всем на всю жизнь! Я хочу, чтобы небо украсил фейерверк, прибывшие сюда певцы не разочаровали нас и пели живьём, а мы танцевали, пили и веселились всю ночь. С самого раннего детства мне никогда и ничего не давалось легко. За всё, что имела, я платила самую высокую цену. Но как бы судьба ни била меня лбом о стену, я всегда знала, что придёт время, **БУДЕТ И НА МОЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК!** Так вот, сегодня это время пришло! Сегодня праздник на моей улице, а это значит, господа, гуляем! Чёрт побери, гуляем!!!

Гости громко захлопали, а я засмеялась сквозь слёзы и принялась пить шампанское. Среди гостей много искренне любящих меня людей, но много и скрытых недоброжелателей, тех, что пришли сюда, принимая правила моей игры. Бизнес — странная штука. Зачастую приходится улыбаться тому, кого ты на дух не переносишь, и иметь дела с тем, кто

вызывает у тебя стойкое раздражение, а иногда и настоящую аллергию.

А за окнами шумного ресторана сияет огнями вечерняя Москва... Моя Москва...

Как-то раз я встречала свой день рождения совершенно одна, на лавочке на старом Арбате с бутылкой недорогого вина. Тогда мне пришлось объяснять подошедшим милиционерам, что у меня праздник и, положив руку на сердце, мне его больше негде и не с кем встретить. Но стражи порядка, видимо, не захотели войти в моё положение и потребовали штраф. Не подействовало даже то, что я показала им свой паспорт с датой рождения. Я объяснила, что мне хочется побыть среди людей. Пусть они и не обращают на меня никакого внимания, но всё равно я не одна. Мне очень одиноко...

В те годы я проводила так многие праздники. На Новый год взяла бутылку шампанского и рванула на Красную площадь. Там было много подвыпивших людей, которые со всеми знакомились, поздравляли друг друга, желали счастья и водили хороводы вокруг ёлки. Никому не было дела, что я приехала в гордом одиночестве, сама по себе, потому что через минуту я уже оказалась в тёплой большой компании. Меня целовали, заключали в объятия, говорили приятные слова. Я забыла об одиночестве. Я была среди незнакомых людей, которые вели себя со мной так, словно знали меня всю жизнь.

Да, было время... И это время ушло. Теперь мне уже не

сидеть на лавочке с бутылкой вина, справляя свой день рождения в одиночестве, и не гулять в новогоднюю ночь с бутылкой шампанского у Кремля, мечтая примкнуть к какой-нибудь шумной компании. Теперь я уже не та беззаботная девчонка с горящим взором и открытым миру сердцем. Теперь я смотрю на Москву сквозь тонированные стёкла своего автомобиля или в окна своего офиса. Мне уже незачем встречать день рождения в гордом одиночестве. Теперь я могу себе позволить самый дорогой ресторан и окружение в полутора сотен человек, которые смотрят на меня, открыв рот, и говорят обо мне восхитительные слова.

Я мило улыбалась гостям, которые вставали по одному и говорили о том, как они гордятся тем, что знакомы со мной лично, и о чести присутствовать на моём дне рождения. Лёгкая тень грусти скользит по моему лицу. Ах, если бы присутствующие знали, через что мне пришлось пройти, прежде чем добиться всего того, что я имею, то они бы не то что не сели бы со мной за один стол – они даже не подали мне руку. Мало кто догадывается, что скрывается в душе у меня, такой красивой и успешной женщины.

А вообще, если честно, то я люблю лезть. Всегда приятно слушать комплименты.

Я женщина, а, как известно, женщины любят ушами. Гости восхищаются моей неукротимой энергией. В этом они действительно правы: энергии у меня столько, что можно город осветить. Моя кипучая деятельность может свернуть го-

ры и привести в замешательство любого, кто меня знает.

Вскоре заиграла музыка и на сцене появилась известная певица. Гости принялись танцевать, получая от этого настоящее удовольствие. Я по-прежнему сидела за столом, махала рукой танцующим парам и посылала им воздушные поцелуи. Боже мой, мне УЖЕ сорок! А быть может, мне ЕЩЁ сорок? Мне сорок лет, а я не утратила в душе всполохи беспечной молодости. Правда, пару дней назад я увидела в зеркале первые седые волосы. Естественно, я сразу их закрасила, но это проклятое ощущение... Похоже, придётся смириться с тем, что с каждым годом седых волосков и морщинок будет появляться всё больше и больше.

В сорок лет рано подводить итог своей жизни, но можно подумать о будущем. В сорок лет открывается второе дыхание и начинается вторая молодость. Наконец-то только к сорока годам я приобрела поистине железные нервы, которые так необходимы любой женщине. Не имеет значения, бизнес-леди это или обыкновенная домохозяйка. В сорок лет я уже могу распрощаться с различными условностями и пожинать плоды всего того, чего достигла. Я могу кружить головы молодым мужчинам, пленительно улыбаясь. Вся моя молодость – в моей улыбке. В сорок лет я, как и раньше, забочусь о своей душе и делаю это намного серьёзнее, чем в молодые годы. В сорок лет я всё ещё верю в большую и настоящую любовь и уже знаю, что в мои годы не стоит в чём-либо ограничивать себя. Теперь я понимаю, КАК именно меня долж-

ны любить, и могу совершенно спокойно предъявлять свои требования к любви. Я могу себе это позволить, потому что я уже взрослая.

Я улыбнулась своей давней знакомой, пришедшей со своим молодым любовником, и игриво ей подмигнула. Она старше меня на пять лет, а её любовник моложе её ровно на двадцать лет. Никто не смотрит на неё укоризненно: говорят, что сейчас это даже модно. Она послала мне воздушный поцелуй и засмеялась, глядя в глаза своему любовнику, каким-то наивным и детским смехом. Такие, как она, не будут обращать внимания на досужие пересуды и осуждающие взгляды. Моя подруга считает, что многие молодые люди не обязательно ищут себе «матерей», когда встречаются с женщинами намного старше себя. Их привлекает очарование зрелой женщины – её жизненный опыт и безграничная уверенность в себе.

– Светлана, ты сегодня красива, как никогда...

Я поворачиваю голову и улыбаюсь сидящему рядом со мной седовласому мужчине. Это Александр – моя «правая рука». Мой друг, на которого я всегда могу положиться. Он помогает мне в моём бизнесе и уже много лет идёт со мной рука об руку по этой жизни.

– Как ты смотришь на то, чтобы пропустить по рюмочке?

– Положительно. Только ты поднимешь рюмочку, а я фужер. Не хочется смешивать спиртные напитки.

– Светлана, твоё слово для меня – закон.

– Рядом с тобой я всегда чувствую себя королевой.

– А ты и есть королева. Ты только посмотри, какими глазами на тебя смотрят все эти люди...

– И какими же глазами они все на меня смотрят? – задала я вопрос, заранее зная ответ.

– Ты же сама всё видишь: они смотрят на тебя с обожанием.

– Среди этих взглядов слишком много фальшивых.

– Без этого никуда. Ты же знаешь, что у нас в стране не любят красивых и успешных женщин. Я думал, что ты уже давно к этому привыкла.

– А ты считаешь, что к этому можно привыкнуть?

– Конечно. Привыкнуть можно ко всему, тем более с твоим прагматичным подходом к жизни. Я хочу выпить за тебя. За то, что когда-то я познакомился с очаровательной Золушкой из далёкой российской глубинки. Теперь ты уже не бедняжка Золушка. Ты – хозяйка большого города, хозяйка целого мира.

– Ну ты даёшь...

– И всё же, как тебе мой тост?

– Если ты решил мне польстить, то у тебя это очень хорошо получилось.

– Я сказал тебе чистую правду. – Саша грустно улыбнулся.

– Если бы я была хозяйкой этого города и целого мира, то в управлении сразу ощущалась женская рука. Её же не чувствуется: тут явно правит мужчина. В женщине больше со-

страдания и искренности. – Я поднимаю свой бокал, участливо заглядывая в лицо близкого мне человека. – Саша, ты плохо себя чувствуешь? – В моём взгляде появляется неподдельная тревога.

– Да так. Просто не спал всю ночь.

– Что-то случилось?

– Рая опять запила.

– Понятно. Да уж, неприятная картина. А я смотрю – ты один пришёл, без неё. Не стала задавать тебе лишних вопросов. Ладно, Саня, ты держись. Не в первый раз всё-таки. Ты знаешь, я слышала про какой-то новый метод...

– Света, не парь мозги, – перебил меня Александр. – Мне кажется, что я уже испробовал на своей жене все возможные и невозможные методы. Ничего не помогает – всё это трата времени и денег. И вообще, давай не будем о плохом. Как-никак, а сегодня твой день рождения.

Саша взял меня за руку и дал мне понять, что он не хочет продолжать разговор на тему, которая для него слишком тяжела и болезненна.

За долгие годы нашей совместной работы и дружбы мы научились понимать друг друга с полуслова и чувствовать настроение каждого даже на расстоянии. Саша приложил все усилия, чтобы сделать свой брак счастливым, но его жена часто уходила в запой и доставляла ему массу неприятностей. Он по-своему любил Раю и уже смирился со своей участью, но иногда его нервная система давала сбой, и я видела, что

он уже на пределе. Женский алкоголизм – страшная штука, и вылечиться от него по силам не каждой женщине. Для того чтобы достигнуть хотя бы малейшего результата, нужно иметь твёрдое желание изменить свою жизнь и осознание того, что так жить нельзя. У Раисы такого желания не было, или оно появлялось только тогда, когда Александр в очередной раз собирался от неё уходить. Но её раскаяние продолжалось недолго: всего несколько дней, до следующего запоя.

– Света, я хочу выпить за тебя, – сказал Александр, и я ощутила, как у него слегка задрожал голос. – Ты состоялась как женщина, как личность. Ты – молодец. Я всегда знал, что ты молодец. А ещё мне хочется, чтобы наконец наладилась твоя личная жизнь.

– Ты хочешь сказать, что у меня её нет?

– Я хочу пожелать тебе, чтобы к следующему дню рождения ты обязательно вышла замуж.

– Я пока не испытываю подобной необходимости.

– Света, я знаю, что ты сейчас скажешь...

– Что? Что мне никто в старости не подаст воды? Но мне казалось, что я всегда могу рассчитывать на тебя?! – не удержавшись, озорно засмеялась я. – И потом, захочу ли я пить? Захочу ли я взять стакан из рук человека, который принесёт мне воды?

– Ты, как всегда, переворачиваешь всё с ног на голову и издеваешься над моими словами. Я думал, что ты сейчас скажешь то, что говоришь обычно.

– И что же?

– Что удачная семейная пара на сегодняшний день – это большая редкость, что мужчина и женщина не созданы для того, чтобы жить вместе. Я не хочу возражать против твоих аргументов. Я хочу сказать тебе только то, что я был бы счастлив погулять на твоей свадьбе.

– В моём возрасте уже не устраивают пышные свадьбы и уж тем более не надевают белое платье.

– Надеть белое платье можно в любом возрасте.

– Саша...

Александр посмотрел на меня и рассмеялся:

– Я знаю, что ты сейчас скажешь. Ты скажешь, что в твоём возрасте люди вступают в официальный брак либо от нездорового романтизма, либо по каким-то меркантильным соображениям. Можешь ничего не говорить. Я всё знаю наперёд. И если ты не хочешь разговаривать о своей личной жизни, тогда пошла бы она к чёрту.

– Кого ты посылаешь к чёрту? – нахмурилась я.

– Эту проклятую тему.

– Вот это правильно: туда ей и дорога. Зачем всё усложнять? Ты же знаешь, что по поводу моей личной жизни я всегда отвечаю одной и той же фразой: «Я люблю и любима». Все знают, что с личной жизнью у меня всегда всё в порядке.

– Но я-то знаю, как всё обстоит на самом деле.

– Что ты знаешь?

– Что тебе просто понравилась эта красивая фраза. Ты всё

придумала, потому что так легче.

– А что я, по-твоему, должна говорить, что я женщина с неустроенной личной жизнью? Что я в пожизненном и безрезультатном поиске? Как я буду выглядеть в глазах общества, которое считает женщину с неустроенной личной жизнью неполноценной?

– С каких пор тебя стало интересовать, что подумает о тебе общество? Что-то я раньше не замечал, чтобы ты забивала себе голову подобными глупостями?

– Редко, но иногда у меня проскальзывает подобная мысль. У женщины должна быть личная жизнь, и неважно, придуманная она или реальная.

– Ты считаешь, что достаточно всё выдумать?

– Вполне: и людям спокойнее, и мне. Если любви нет, то её можно придумать. Можно представить, что она есть, и не строить иллюзий по данному поводу. В конце концов, какая разница!

– Мне всё же кажется, что человек, в душе которого нет места для любви, не может быть счастливым.

– А мне удобнее жить без любви: никакой головной боли! Любовное чувство забирает слишком много сил, а я не теряю времени на романтические отношения и могу целиком посвятить себя работе. Я представила, что в моей жизни есть любовь, и сама поверила в придуманную мной сказку.

– Ты считаешь, что так можно жить?

– Как видишь, живу, и при том неплохо себя чувствую.

– Но ведь твоя любовь фальшивая. Она искусственная.

– Можно подумать, в реальной жизни мало фальши. Моя любовь не причиняет мне боль, а это самое главное.

– Да уж, с тобой трудно на эту тему спорить. У тебя своё видение мира.

– Ты обещал послать разговоры о любви к чёрту.

– Извини. Именно так и сделаю.

Сделав несколько глотков из наполненного до самых краёв бокала, я приняла приглашение Александра и закружилась с ним в медленном танце.

– Саша, ты посмотри, какая за окном Москва-то красивая!

– Красивая, – согласился Александр. – Я это сразу заметил, как только впервые приехал сюда. После того как я увидел Москву, то понял, что такое любовь с первого взгляда.

Я положила голову на плечо друга, закрыла глаза и мысленно перенеслась на несколько лет назад. Меня не покидало ощущение нереальности произошедшего со мной.

23 октября... Бог мой, я всегда боюсь 23 октября. Несмотря на то что это день моего второго рождения, для меня эта дата навсегда останется самым страшным днём в моей жизни. А ведь через пару месяцев наступит это жуткое 23 октября. Ненавижу эту дату! Было бы лучше, если бы её вычеркнули из календаря. Ох, лучше об этом не думать... Вот перед глазами в танце проплывает за окном вечерняя Москва. Такая пленительная и манящая. Даже не верится, что теперь

здесь так страшно жить. «Каждый вечер на сцену садится настоящий бомбардировщик!» – именно так гласила реклама, из любопытства я и поехала на тот злосчастный спектакль. Будь он проклят, этот бомбардировщик в натуральную величину! Тогда, 23 октября, всё происходило, будто во сне. Чечня – так далеко. Где-то идёт бесконечная война, уже давно превратившаяся в настоящий бизнес. На этой войне гибнут наши мальчишки, так и не познавшие, что такое любовь. Стреляют боевики, взрываются снаряды, падают вертолёты и взлетают на воздух машины. А в Москве течёт размеренная и в меру спокойная жизнь. Милиция на страже порядка, патрульные машины прочёсывают тёмные улицы, тотальная проверка документов у приезжих. Тут ФСБ, МВД, ГИБДД, кругом частная охрана. В Москве не должно быть страшно: здесь все мы защищены. Но 23 октября я вдруг отчётливо поняла, что от террора нас защитить некому. Я и подумать не могла, что у меня так громко и быстро может стучать сердце, что моя речь может быть настолько бессвязна, что я могу плакать и не чувствовать слёз. «Взрывчатка хватит на всех» – эти слова до сих пор звучат у меня в ушах как приговор. Перед глазами стоит перепуганная, но ещё живая подруга Ольга. На тот спектакль я пришла вместе с ней, а вернулась уже без неё. Когда разрешили звонить по мобильным и передавать требования террористов родственникам и знакомым, первым, кому я позвонила, – был Александр. Я прижимала трубку к уху и пыталась услышать его слова, по-

тому что рядом плакала Ольга. Она слышала в трубке голос своего ребёнка. Александр сказал, что я везучая, что у меня есть ангел-хранитель и что я могла бы погибнуть уже десятки раз, но не погибла. Поэтому я должна жить долго и счастливо. Он говорил, что мысленно он со мной, просил, чтобы я успокоилась, сидела как можно тише и не смотрела боевикам в глаза. Саша сказал, что боевики – как собаки. Они не выдерживают пристального, открытого взгляда, могут сорваться. Я обзванивала всех, кого знала, пока не села батарейка у телефона, но с Александром я говорила чаще всего. По возможности я перечисляла ему количество боеприпасов, находящихся рядом со мной, считала передвигающихся по залу боевиков, а также пыталась определить их часто меняющееся настроение. Они то молились, то начинали петь, и от этих песен нам всем становилось ещё хуже. Сидя в зале, я боялась поверить, что всё это не театральный спектакль и что за окнами этого здания ночная Москва, расцвеченная огнями, гуляющие весёлые люди, ночные клубы, с рвущейся наружу музыкой. Мне не верилось, что кто-то, спокойно посмотрев новости по телевизору и выпив чайку, ложится спать, чтобы хорошенько выспаться и встретить завтрашний день со свежими силами. Только мы, сидящие в зале, не могли уснуть, потому что потеряли счёт времени, и не было никакой разницы – начался новый день или ещё не закончился старый. Тогда я обратилась к Богу. Я просила его о том, чтобы все мы выбрались живыми из этого ада. Я дала клятву, что если

выживу, то полюблю свою жизнь, буду каждый новый день воспринимать как великое благо, никогда никого не обижу, всегда подам нищему, никого не предам, не скажу ни одного обидного слова и стану каждый день совершать только хорошие и добрые поступки. Тогда я впервые в жизни поняла, как же долго может тянуться время. Казалось, оно застыло на месте, а ты по-прежнему не можешь встать и размять затёкшие ноги. До сих пор перед глазами оркестровая яма, используемая как туалет. Боже мой, если бы когда-нибудь кто-нибудь сказал мне, что такое возможно, я бы никогда не поверила! Люди, сидящие в первых рядах, купившие самые дорогие билеты на спектакль, находились в полубоморочном состоянии из-за жуткого зловонья. В памяти всплыл образ доктора Рошаля (по его просьбе поднявшийся на балкон Бараев объявил о том, что отпускают детей). Помню наши аплодисменты, они были точно такие, как в мирной жизни. В зале малышей было мало. В основном двенадцати – четырнадцатилетние мальчишки, но боевики их не отпустили, потому что не посчитали за детей.

Моя подруга Ольга сказала, что мы зря хлопали террористам. А я, увидев Рошаля, поняла, что всё будет хорошо. Он был родной, близкий, а его глаза вселяли в нас надежду на спасение. Увидев доктора на балконе, я крикнула, что мне необходим валидол. Чуть позже это лекарство оказалось в зале. Сидящая позади меня пожилая женщина доставала из сумочки пузырёк с шариками валерьянки и принимала

её время от времени, рассказывая мне о том, что дома её ждут дети и внуки, что в этот день вся её семья отправилась в гости, а ей уж очень сильно захотелось посмотреть, как это на сцену садится бомбардировщик в натуральную величину. Теперь всё это далеко. Это страшный и далеко не забытый сон для тех, кто там был и потерял своих близких. Для всех остальных «Норд-Ост» почти уже забыт.

Александр словно прочитал мои мысли и бережно коснулся моего плеча.

– Света, о чём думаешь? Тебе плохо?

– Я просто вспомнила, что неминуемо наступит двадцать третье октября. Ненавижу эту дату.

– Постарайся не думать об этом. Мы обязательно исчезнем в этот день из Москвы.

– Я хотела поехать на улицу Мельникова и возложить цветы.

– Не стоит: у тебя опять начнутся проблемы с психикой. Всё в прошлом. Жизнь продолжается! Ты должна понять, что всё только начинается!

Я посмотрела на официантов, разносящих шампанское, на повара, который жарил тушку барана, на женщин в дорогих вечерних платьях, на их галантных спутников, на держащего меня за руку преданного Александра. Я поняла, что не имею права показывать свои слёзы, потому что **ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!** Александр прав: я осталась жива, а это значит, что жизнь дала мне шанс. Я должна жить дальше!

В этот момент за окнами засверкали всполохи фейерверка. Обрадованные гости восторженно захлопали в ладоши и поспешили на большую веранду, украшенную шарами, высыпали на балконы. Саша схватил меня за руку и подвёл к распахнутому окну.

– Света, это в твою честь! Я же тебе говорил, что жизнь прекрасна! Говорил, а ты мне не верила! – Прижав к себе, Саша поцеловал меня в шею на правах старого друга и радостно прокричал: – Светка, а ведь мы с тобой всё-таки счастливые! Согласись, что это так! Потому что мы вместе, потому что знаем, что такое настоящая дружба, потому что есть Я и есть ТЫ, потому что на этом свете есть ЖЕНЩИНА, которая достойна неподдельного восхищения, и эта женщина – ТЫ!

– Мы вместе! – согласилась я с Александром и мысленно поблагодарила судьбу за подарок, который она преподнесла в один из нелёгких периодов моей жизни. За человека, который мне бесконечно дорог и по-настоящему близок.

Неожиданно я словно почувствовала на себе чей-то взгляд. Я невольно обернулась и вздрогнула.

– Света, ты только посмотри, какая красота! Ты только посмотри! – восторженно радовался Александр, не сводя глаз с полыхающего всеми цветами неба.

Но я уже ничего не видела и не слышала громких, восторженных криков гостей. Я не понимала, о чём говорит мне Саша. Я смотрела на человека, стоящего на некотором отда-

лении от меня, и ощущала, как бьётся моё сердце.

Вошедший мужчина был одет во всё черное, он не сводил с меня пронзительных глаз. Это был человек из моего прошлого, которое я так хотела забыть... Я его не ожидала увидеть. Думала, что время убивает в нас жажду мщения, но, видимо, ошиблась.

Он меня нашёл... Появился в тот момент, когда я думала, что мне уже больше ничто не угрожает. Боже мой, кто же его пустил, как он мог пройти на закрытую вечеринку, вход на которую строго по приглашениям?! Мне захотелось наказать тех, кто допустил подобное... Но я знала, что уже слишком поздно, потому что его теперь ничто не остановит. Он явился сюда для того, чтобы меня убить. От прошлого невозможно убежать, в любой момент память вернётся и напомним, что рано или поздно наступит час расплаты.

Я этого не ожидала. Я это не предусмотрела. Я не знала, как вести себя в подобной ситуации. Что делать, когда ты понимаешь – ещё немного и тебя больше не будет? Лицо мужчины оставалось в тени, но я бы узнала его в любом случае – настолько прочно память запечатлела его черты. Я сказала себе: «Ты расслабилась... Хотя взяла за правило никогда не расслабляться, но потеряла контроль...»

Я знала, что должна что-то сделать, что-то предпринять, но одновременно понимала, что у меня на это нет времени. И я УЛЫБНУЛАСЬ. Человек в чёрном опешил, но мои губы тронула УЛЫБКА...

Глава 1

Как только администратор отдала мне паспорт, я тут же взяла протянутый мне ключ и пошла искать свой номер. Зайдя в комнату, я бросила сумку на пол и первым делом вышла на балкон, чтобы осмотреться. Несмотря на то что я сняла гостиницу подешевле, на самой окраине, из окон на меня смотрела МОСКВА. Тот самый город, которым я всегда бредила, о котором мечтала с самого детства. Мне всегда казалось, что Москва – это город приезжих и что приезжие нужны ей, как свежая кровь.

Перед глазами почему-то возник образ матери, для которой мой отъезд обернулся настоящей трагедией, бессонными ночами и горькими слезами. Я вспомнила, как противился моему отъезду отец. Он посадил меня перед собой и пытался доказать, что я еду туда, где никому не нужна, и что в этом большом и бездушном городе меня никто не ждёт.

– Что ты скажешь, дочка, когда приедешь в Москву?! – гневался мой родитель. – Здравсте, я приехала?!

– Так и скажу, – дерзко сказала я. – Выйду на перрон и скажу: «Здравсте, я приехала!»

– А тебе тут же объяснят, что ты тут никому не нужна, что Москва не резиновая: все в ней не поместятся.

– Москва резиновая, – стояла я на своём и мысленно сопоставляла свои размеры и размеры мегаполиса. – Я худень-

кая и не займу в ней много места. На крайний случай она немного раздвинет свои границы.

– Как раздвинет? – непонимающе смотрел на меня мой родитель и крутил пальцем у виска, давая мне понять, что я сумасшедшая.

– Очень просто, – как ни в чём не бывало отвечала я и делала всё возможное, чтобы прекратить разговор на данную тему, но разгневанный родитель был непреклонен.

– Ну ты, дочка, даёшь. Москву решила раздвинуть?

– Но я же не сильно, а самую малость. И то, только в том случае, если она не захочет меня принять.

– Если все в Москву поедут, то кто тогда будет жить в провинции?

– Ты и мама. – Я не смогла выдержать пристального родительского взгляда и опустила глаза. – Многим нравится жить в провинции. Все в Москву всё равно никогда не поедут: многие её на дух не переносят.

– А ты, значит, любишь Москву?

– Ещё как! – честно призналась я.

– И в кого ты такая пошла, непонятно. У всех дети как дети...

– А какие у всех дети?

– Звёзд с неба не хватают, потому что у них с головой всё в порядке. Они живут в реальности и рассуждают здраво.

– Значит, я живу не так, как все, и с головой у меня не в порядке. Но я всё равно хочу в Москву и мечтаю достать

звезду с неба.

Отец попытался убедить меня, что все провинциальные девчонки едут в Москву для того, чтобы поступить в театральный, а когда понимают, что слишком переоценили свои возможности, то сразу же идут на панель. Отец кричал, что он растил меня не для того, чтобы я торговала собой, что про таких покорительниц столицы, как я, обычно говорят: «Танки грязи не боятся»! Папа нервничал и винил мать, потому что она неправильно меня воспитала, мол, я не от мира сего. Мама плакала и просила меня остаться... Она утверждала, что Москва сделает меня несчастной, выжмет все соки и даст мне хорошего пинка под зад.

Я почувствовала, что от этих воспоминаний у меня защемило сердце, а на душе стало скверно. Мне было жалко мать, которая всячески пыталась меня остановить, но так и не смогла этого сделать. Отец вообще перед отъездом назвал меня шлюхой и, проведя несколько часов в обществе бутылки с самогонкой, даже не вышел в коридор для того, чтобы со мной попрощаться.

– Вот видишь, до чего ты отца довела, – укорила меня мать, провожая в дальний путь. – Ведь сопьётся же совсем.

– Я здесь ни при чём. Вспомни хотя бы один день, когда он не пил.

– Значит, ещё больше пить будет.

– Больше уже некуда.

Я родилась в обыкновенной рабочей семье, отец довольно

часто прикладывался к бутылке и мог запросто поколотить мать. Всё моё детство и юные годы прошли в российской глубинке, где местные жители не хватают звёзд с неба, довольствуются тем, что есть, и живут тихо, спокойно и размеренно, даже не задумываясь, что где-то есть лучшая и более достойная жизнь. Именно поэтому мне всегда хотелось уехать из родных мест, подняться на новый социальный уровень, зажить другой, более интересной, насыщенной жизнью, доказав своим землякам, что я чего-то стою.

...Не удержавшись, я быстро достала из сумки бутылку шампанского, откупорила её, громко выстрелив пробкой, взяла со стола стакан и наполнила его до самых краев. Вышла на балкон и торжественно подняла стакан.

– Здравствуй, златоглавая! Ты не ждала, а я приехала. Примешь?

Заранее зная, что Москва мне ничего не ответит, я улыбнулась и принялась за свой любимый напиток.

– Значит, не примешь? – начала я размышлять вслух. – А я и не рассчитывала на твоё гостеприимство. Я знала, что мне придётся брать тебя измором. Как бы ты ни хотела, но от меня вряд ли отвертишься. Я обладаю особым духом авантюризма. Я не из тех, кто проводит свою жизнь в ожидании. Я сразу ставлю тебя в известность: у меня слишком большой аппетит к жизни. Да и вообще я многого хочу добиться. Быть может, ты надо мной посмеёшься, но я хочу всё сразу. Смейся, смейся, но придёт время и настанет день, когда ты

перестанешь смеяться. Тебе захочется меня поближе узнать и подружиться со мной.

Этой ночью я не спала. Я размышляла и мысленно перебирала всевозможные варианты, каким образом мне можно остаться в Москве. Самое главное – поступить в театральный институт, о котором я так долго мечтала, и найти работу. В моей голове, прямо по пунктам, созрел стратегический план по захвату столицы. Диплом ещё никому не мешал, впрочем, как и профессия актёра кино и театра. Если я поступлю в институт, то мне будет предоставлено общежитие, а это значит, не нужно снимать квартиру, что в общем-то недешево. Я знала, что придёт время и у меня обязательно будет московская прописка. И прописка, и нужное количество денег. Всё это обязательно появиться, но не мгновенно: ещё слишком рано. Ведь и Москва не сразу строилась. Первым делом – институт, работа и знакомство с нужными людьми. Я неправильно выразилась: не знакомство с нужными людьми, а дружба. Я представляла то время, когда стану леди до кончиков ногтей. Буду сражать всех эпатажным поведением, роскошно одеваться и иметь кучу денег. Для этого мне просто необходимо пройти курсы светского этикета. Без руки профессионала у меня это вряд ли получится. Я себя сделаю, перекрою и сотворю тот образ, который будет великолепно вписываться в рамки моей будущей жизни. Единственное, что я никогда в себе не изменю, – так это провинциальную непосредственность. Это – моя изюминка, и я не

собираюсь от неё избавляться. Помимо прочих задач мне не мешало бы найти постоянного молодого человека. Как-никак, а я одна в незнакомом и чужом городе. Сильное мужское плечо ещё никому не мешало, особенно если бы у этого плеча была московская прописка.

Я уснула только к утру и проспала всего несколько часов. Вскочив с кровати, я подошла к зеркалу и принялась приводить себя в порядок. Затем улыбнулась своему отражению и попыталась войти в придуманный мною образ. Мне хотелось стать кокетливой, сексапильной девушкой с загадочным блеском в глазах. Скроив хитрую мину, я подмигнула своему отражению и произнесла с особым вызовом в голосе:

– У меня всё получится!

Но, увы, не получилось.

В этот день мне пришлось столкнуться с суровой реальностью и понять, что одни амбиции ещё ничего не стоят. Я вылетела на первом же туре при поступлении в театральный институт. Мне было больно осознать то, что я не прошла даже один-единственный тур и срезалась на чтении стихов и басен. Я изучала вывешенные списки тех, кто прошёл первый тур, и, не находя своей фамилии, нервно кусала нижнюю губу и чувствовала, как из глаз текут слёзы. Мне хотелось кричать, что комиссия была ко мне просто несправедлива, что я растерялась, что прошли только те, кто шёл по блату. Я была уверена, что комиссия была настроена против меня потому, что я приезжая и хочу занять место в студенческом

общежитии, которое и без того переполнено. Когда я читала стихи, на меня мало кто обращал внимание. Преподаватели почему-то шептались, говорили на отвлеченные темы, смотрели на часы и обсуждали тех, кто уже прошёл.

– Не сдала?

Подняв глаза, я посмотрела на стоящего рядом со мной пожилого мужчину и всхлипнула, словно маленькая девочка, которой не купили понравившуюся ей игрушку.

– Не прошла.

– А слёзы почему?

– Потому что засудили.

– Что значит «засудили»? Ты хочешь сказать, что у тебя необыкновенный талант, который никто не оценил?

– У меня есть способности, – я вытерла платком слёзы. – Просто их никто не заметил.

– Странно, а мне кажется, что в комиссии сидят профессионалы.

– Если бы тут сидели профессионалы, я бы уже готовилась ко второму туру.

Мужчина улыбнулся и посмотрел на меня заинтересованно.

– А у тебя с чувством юмора всё в порядке. Мне нравятся люди, которые умеют достойно принимать поражение и шутить даже тогда, когда им приходится тяжело.

– А я и не шучу, я говорю правду. Если бы я только знала, что в таком приличном институте сидит целая комиссия

бездарей, которая мой талант рассмотреть не может, я бы ни за что сюда не пришла. Зачем терять попусту время и нервы?! Я-то смогу без этого проклятого института, а вот как-то будет этому институту без меня, даже страшно подумать! Кого он выпустит из своих стен? А ведь я смогла бы сыграть что-нибудь стоящее. Я смогла бы проснуться знаменитой.

Мужчина засмеялся и поправил очки.

– Правильный подход к жизни. Деточка, да тебе повезло.

– В чём?

– В том, что бог миловал тебя от этой профессии. Ты думаешь, у всех актрис завидная жизнь?

– А что плохого в их жизни? Слава, признание, поклонники.

– Тебе это только кажется. Быть актрисой – очень утомительная работа. Все хотят быть звёздами, но далеко не каждая актриса становится знаменитой. Большинство до самой пенсии играют в массовках и влечат нищенское существование. Плюс уязвленное самолюбие. Легко ли переживать чужой успех? Ты сама сейчас это почувствовала. Видишь, как расстроилась. Одна моя знакомая десять лет играет берёзку.

– Какую берёзку?

– Обыкновенную берёзу. Дерево такое.

– Понимаю, что не кактус, – натянуто улыбнулась я.

– А ты, оказывается, улыбаться умеешь. Так вот, насчёт берёзки...

– Это я поняла, играет десять лет...

– Да ничего ты не поняла. Десять лет она выходит на сцену в жутком костюме с тяжёлыми ветками на голове и стоит столбом около двух часов. Ты только представь, стоять столбом десять лет...

– И что, вообще ничего не говорит?

– У неё есть всего одна фраза, и то в самом конце спектакля.

– Я бы тоже сейчас на первых порах берёзой где-нибудь постояла. – Странно, но от моих слёз не осталось даже следа.

– Деточка, можно изображать берёзу не только на первых порах, но и всю оставшуюся жизнь. Тот, кто играет годами дерево, вряд ли когда-нибудь сыграет в «Чайке».

– А с этим не согласна.

– Почему?

– Курочка клюет по зёрнышку.

– Согласен, только зёрнышки разными бывают. И не забывай, что на роль той же берёзы претендуют другие девушки, которые будут злобно шипеть за твоей спиной и постараются подставить подножку. Ты выбрала не самую лучшую профессию. Добиваются славы лишь единицы, а все остальные быются попусту – находясь в массовке, трудно раскрыть свои творческие способности.

– Быть может, вы и правы, но мне тяжело расстаться с мечтой. Я не отступлюсь – не умею проигрывать.

Незнакомец окинул меня с ног до головы весёлым взглядом и рассмеялся:

– Деточка, я как тебя увидел, то сразу понял, что ты не местная. Ты молоденькая, провинциальная амбициозная акулка, которая в первый же день сломала свои зубки о московскую действительность. Откуда ты, лапушка?

– Издалека.

– И все же, откуда?

– Название вам всё равно ничего не скажет.

– А может, и скажет. Я неплохо знаю русскую провинцию.

– Посёлок Широкая речка, слышали про такой?

– Ни про широкую речку, ни про узкую не слышал.

– Вот и я про то же. Кстати, а как вы узнали, что я не москвичка? У меня что, на лбу написано? Или вы сказали это так, наобум? В основном в артистки разве только приезжие поступают.

– На лбу у тебя ничего не написано, а в артистки лезут все, кому не лень. Я провинциалок сразу вижу. У меня это профессиональное.

Внимательно посмотрев незнакомцу в глаза, я чуть отступила в сторону и осторожно поинтересовалась:

– Простите, а вы кто?

– Я тут работаю, – спокойно ответил мужчина.

– Кем?

– Преподавателем.

– Вы это серьёзно?

– А разве похоже, что я шучу?

– А почему вас не было в комиссии? Я вас там не видела.

– Потому что не все преподаватели принимают экзамены. У многих есть дела поважнее. Если все будут сидеть в приёмной комиссии, то совершенно непонятно, кто же станет заниматься текущими делами института.

– Тоже верно.

Сознание того, что незнакомец работает в институте, в который я только что не поступила, подействовало на меня должным образом. Я растерянно посмотрела на него, пытаясь сообразить, как мне вести себя дальше. Передо мной стоял человек, который при желании мог бы оказать мне сильную помощь, но мне было трудно представить, чем бы я могла его заинтересовать? Как мне убедить его в том, что я не так бездарна, как оценила меня комиссия?

– Детка, а ты мне нравишься, – неожиданно обронил незнакомец. – Странно, почему тебя не заметили. Хотя это часто бывает. Редко кто поступает с первого раза. Но всё можно исправить.

Мне показалось, что он прочитал мои мысли, и от этого я растерялась ещё больше.

– Что тут можно исправить? Вы хотите мне помочь?

– Я готов тебе посодействовать. Мы можем обсудить твои проблемы, но только не в стенах этого института.

– А где?

– Я приглашаю тебя к себе в гости.

– В гости?!

– Да, а почему в твоих глазах такое удивление?

– Я даже не знаю, что и сказать...

– Я тут живу недалеко. Мне показалось, что нам есть о чём поговорить.

– Вы приглашаете меня к себе домой?

– А у тебя есть возражения по этому поводу?

– Я к этому как-то не готова... Мне кажется, что подобные вопросы не должны обсуждаться дома у преподавателя. Где угодно, но только не дома – это не совсем прилично.

– Ты меня боишься, что ли? – В глазах мужчины зажёгся насмешливый огонёк.

– Вот ещё!

– Тогда в чём дело? Заметь, я культурно пригласил тебя в гости. Что в этом неприличного? Я же говорил не о постели, а предложил по-дружески попить чайку на моей кухне, поговорить о театральной жизни и о моём друге режиссёре, который сейчас снимает один интересный фильм. Он как раз ищет девушку, похожую на тебя.

– Вы хотите сказать, что я могла бы сняться в кино? – От сильного волнения я ощутила, как пол закачался под ногами.

– Если это заинтересует тебя и ты понравишься режиссёру, то почему бы и нет? Большинство известных актрис начинали свой творческий путь подобным образом. На улице к ним подходила какая-нибудь серьёзная тётенька и задавала один и тот же вопрос: «Девушка, а вы бы не хотели сняться в кино?»

– Но ведь вы же не серьёзная тётенька?

– Я серьёзный дяденька. В серьёзности моих намерений ты скоро сможешь убедиться. А что касается института, то ты поступишь на следующий год. Я протолкну тебя на подготовительное отделение и договорюсь со своими коллегами: они могли бы давать тебе уроки актёрского мастерства. Я могу многое для тебя сделать. Намного больше, чем ты можешь себе представить.

– Это было бы замечательно... – Я не могла понять, где нахожусь – в реальности или во сне, полном пустых надежд и обещаний.

Москва решила надо мной сжалиться и подкинула мне этого старикашку, готового бросить к моим ногам целый мир? Правда, пока только на словах. По крайней мере, он производит впечатление интеллигентного человека. Хотя, если быть откровенной, мне кажется, что интеллигентные люди не приглашают к себе домой незнакомую девушку под предлогом попить чай. Странно всё это.

– Правда, мне нечем платить, – тут же продолжила я свою мысль. – Но это не беда. Я не белоручка. Я привыкла работать. Если буду учиться на подготовительном отделении, то сразу пойду работать. Я готова трудиться и днём и ночью, только бы платить репетиторам.

– Не думай о деньгах, – отрицательно качнул головой мужчина.

– Как же мне о них не думать? Я же прекрасно понимаю, что никто не будет заниматься со мной бесплатно.

– Голубушка, думать о деньгах – не женское дело. Предоставь это нам, мужчинам.

Я улыбнулась и произнесла то, что давно вертелось у меня на языке:

– Знаете, я не очень-то рассчитываю на чьё-либо покровительство, потому что всегда привыкла надеяться только на себя. Для того чтобы оплачивать свою учебу, я готова выполнять любую работу: мыть полы, подметать улицы. Спасибо за ваше обнадеживающее предложение, но я хочу вас сразу поставить перед фактом: интим между нами однозначно исключён. За предложенную вами помощь я своим телом расплачиваться не собираюсь. Я приехала в Москву, чтобы завоевать её, и торговля своим телом в мои планы не входит.

Незнакомец усмехнулся и вновь поправил очки:

– Голубушка! Если думаешь, что я охотник за малолетними девицами, то ты глубоко ошибаешься. Я уже далеко не в том возрасте, чтобы заниматься подобными вещами. Оставь своё юное тело для тех, кому оно действительно нужно. Мне оно без надобности – мне нужен твой талант. Я не настаиваю. Если ты думаешь, что сможешь добиться желаемого без меня, то флаг тебе в руки. Я всего лишь увидел в тебе будущую звезду. Не смею тебя задерживать, дерзай. Возможно, твоя провинциальная непосредственность заинтересует не только меня, но и кого-то ещё.

Мужчина театрально поклонился и повернулся, чтобы уйти.

Я тут же поняла, что не каждый день делают подобные предложения, и бросилась следом за ним.

– Постойте! Вы меня неправильно поняли.

– Что именно я не понял? – холодно поинтересовался незнакомец.

– Просто сейчас такое время...

– Какое сейчас время?

– Аферистов полно, – вновь не сдержалась я.

– Ты хочешь сказать, что я похож на одного из них? – Голос незнакомца раздражённо дрогнул.

– Да разве разберёшь? В любом случае я не хотела вас обидеть.

– Хочешь, чтобы я предъявил документы, и ты убедилась, что я здесь работаю? Хорошо, я их предъявлю – за мной дело не станет. Только в следующем году не сокрушайся по поводу того, что не поступила в институт, и не рассчитывай на мою помощь.

Незнакомец торопливо полез в карман для того, чтобы найти какие-то документы, но в этот момент рядом с нами остановился молодой симпатичный мужчина и дружелюбно пожал ему руку:

– Пётр Степаныч, а вы завтра будете на кафедре, а то у меня к вам небольшая просьба?

– Завтра, конечно, буду. Что-то серьёзное?

– Дело деликатное: на сегодняшнем экзамене моя племянница срезалась. Сами знаете, как это бывает: разволновалась.

А ведь девчонка талантливая. Она сейчас выбежала – лица на ней нет. Вы бы её завтра посмотрели. Быть может, ещё можно что-то сделать. Хотя на подготовительные курсы есть возможность поступить? Девочка в таком стрессовом состоянии, что даже страшно становится – как бы руки на себя не наложила. Пётр Степаныч, помогите! Я в долгу не останусь, вы же меня знаете, столько лет работаем вместе.

– А что же вы ко мне раньше не подошли и не сказали, что ваша племянница поступает? Я бы дал указание комиссии обратить на неё особое внимание.

– Думали, поступим своими силами...

– Своими силами мало у кого получается. Неужели она настолько эмоциональная барышня, что из-за экзамена руки на себя наложить может?

– Нервная очень. Я за неё боюсь.

– А впрочем, в наш институт другие и не поступают. В этом году вряд ли получится что-то сделать. Слишком поздно. Уже списки вывешены. Даже места, оставленные для отличников подготовительных курсов, все распределены. А вот с подготовительными курсами помогу. Кстати, на нашу кафедру требуется секретарша. Есть такая вакансия для своих. Тоже неплохо, год будет готовиться, секретаршей поработает, познакомится поближе с преподавателями, узнает институтскую кухню изнутри. В общем, приводите её завтра к трём часам ко мне на кафедру. Я с ней побеседую. Надеюсь, она до завтрашнего дня ничего с собой не сотворит?

– Я её сейчас же найду и глаз не спущу. Пётр Степаныч, вы не представляете, как я вам благодарен.

– Рано ещё благодарить. Вот когда помогу – тогда другое дело. Значит, до завтра.

– До завтра.

Не обращая на меня никакого внимания, Пётр Степаныч повернулся ко мне спиной и направился к выходу. Замерев на месте, словно вкопанная, несколько секунд, я бросилась следом за ним:

– Пётр Степаныч, а почему вы мне сразу не сказали, что вы – заведующий кафедрой?

– Девушка, отойдите, пожалуйста, от афериста, – небрежно бросил он.

– Я беру свои слова обратно. Простите, но вы могли бы сразу представиться.

– С какой стати? Меня здесь и так все знают! – В голо-се преподавателя послышались раздражённые, враждебные нотки, которые не предвещали ничего хорошего.

– Но ведь абитуриенты не знают, а я абитуриентка. Значит, мне простительно.

– А абитуриентам и необязательно меня знать. Они узнают меня тогда, когда станут студентами. Если, конечно, станут...

Я старалась не отставать от него ни на шаг и сбивчиво объяснялась:

– Поймите меня правильно. Я приезжая, первый раз в

Москве.

– Это песню я каждый день слышу. «Мы сами не местные. Мы приехали издалека», – язвительно произнёс он, не замедляя шага.

– Так говорят, когда денег просят, а я у вас ничего не требую.

– А что же ты тогда за мной бежишь?

Я не смутилась, несмотря на тон, каким был задан этот вопрос.

– Я просто хотела извиниться.

– За что?

– За то, что я подумала, что вы аферист.

– Значит, теперь ты меня таковым не считаешь?

– Нет, – замотала я головой.

– Быстро же меняется твоё мнение!

– В этой Москве голова кругом идёт. Можно сказать, на каждом углу поджидает опасность. Я, как только шагнула на московскую землю, сразу принялась искать ночлег. Зашла в первую попавшуюся гостиницу, а там мест нет. В холле один солидный гражданин, видя моё расстройство, предложил переночевать у него в номере. Говорит, мол, не беда. Все мы люди. В тесноте, да не в обиде. Он в номере один, а места много. Ну, я, по своей наивности, в номер к нему пошла. Иду и думаю: надо же, какой человек добрый, так ко мне потечески отнёсся. Сейчас таких людей мало, но хорошо, что они ещё есть. Я ещё ему сказала, что оплачу половину номе-

ра, а он отнекивается и заявляет, что ничего ему не надо. Я в номер вошла, а там всего одна кровать. Стою, как вкопанная, и спрашиваю: «А где мне спать-то?» А этот тип в лице изменился и пояснил, что мы запросто можем уместиться на одной кровати. Меня как молнией шарахнуло. Разве два незнакомых человека могут спать на одной кровати? Он усмехнулся и сказал, чтобы я прекратила пургу гнать. Так и сказал. Мол, ночуй в номере и плати натурой, тогда никто в накладе не останется. Мне так обидно и больно стало, ведь я думала, что он нормальный человек, а оказалось, просто похотливая скотина. Я же не похожа на девушку лёгкого поведения, почему он решил так со мной поступить? Я ведь и повода ему не давала... Просто расстроилась, что ночевать негде, а он сразу решил извлечь из этого выгоду. Вот так здесь на безвыходном положении провинциалов наживаются. Я сумку схватила и бегом из этого номера, а этот дуболом вслед крикнул, что Москва меня уму-разуму научит. Обозвал душой деревенской. Так состоялось моё первое знакомство с Москвой. На душе такой неприятный осадок остался, будто меня хотели извлекать в грязи. Хорошо, что в другой гостинице места были и я нашла ночлег. Я после этого осторожнее стала. Поняла, что тех, кто искренне хотел бы мне помочь, почти нет. Вокруг только те, кто искренне хотел бы мной воспользоваться. Пётр Степаныч, да остановитесь вы, наконец. Я же вам объяснила, что совсем недавно чуть было не вляпалась в неприятную историю. Теперь вы понимаете,

почему я отнеслась к вам с таким недоверием?

Преподаватель остановился и от души рассмеялся.

– Я что-то смешное сказала?

– Нет, просто удивляюсь твоей наивности.

– А разве это смешно? Мне вот, например, плакать тогда хотелось.

– А мне – смеяться. Детка, ты не сказала мне, как тебя зовут?

– Светлана.

– Светлана, а не попить ли нам с тобой чайку?

– Где?

– У меня дома. Я же объяснил, что тут недалеко живу.

– С удовольствием, – сказала я и вышла следом за ним из института.

Глава 2

– А на какой улице вы живёте? – на всякий случай поинтересовалась я у своего нового знакомого.

– Сейчас поймаем такси. Ехать ровно десять минут. Кстати, я как будто знал, что у меня будет гостя. У меня в холодильнике свежий торт. Ты сладкоежка?

– Да. Я знаю, что сладкое вредно, но ничего не могу с собой поделать.

– Сейчас не разберёшь, что вредно, а что нет. Я всегда успокаиваю себя тем, что живём один раз.

– Значит, вы не верите в загробную жизнь?

– Я верю только в то, что вижу.

Мы сели в такси, я откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и представила, как под бурные аплодисменты поднимаюсь на сцену, чтобы получить приз за лучшую женскую роль...

Зал гремит. Женщины смотрят на меня ревниво, мужчины, позабыв про своих жён и любовниц, выражают мне своё восхищение. Я широко улыбаюсь, и в моей улыбке читается вызов. Я бросаю вызов этому залу, да и не только залу: бросаю вызов целому миру. Я красивая и успешная, а в нашей стране таких очень не любят. Такие, как я, раздражают окружающих, нам любят перемывать кости, но мы к этому привыкли, потому что понимаем, в какой стране живём.

Сильные должны быть великодушны по отношению к слабым. Поэтому мы прощаем окружающих их нелюбовь к нам. Мы сильные, а сильным не к лицу переживания слабых. Но такие, как я, есть, и от нас никуда не денешься... Стоя на сцене, я втянула живот и расправила плечи. Зал встал и аплодирует мне стоя. Я принимаю вручённую мне статуэтку, высоко поднимаю её и улыбаюсь многочисленным вспышкам фотоаппаратов и камер. Ведущий обнимает меня за плечи и делает вид, что радуется моей победе вместе со мной. Он счастлив не оттого, что я победила, потому что смог ко мне прикоснуться. Для него я не просто женщина – для него я богиня...

– Света, приехали.

Я открыла глаза и растерянно посмотрела на сидящего рядом со мной мужчину.

– Ты уснула, что ли?

– На минутку прикрыла глаза.

– Ты так сладко улыбалась с закрытыми глазами, что мне показалось, будто ты спишь.

– Немного замечталась.

– О чём?

– О жизни актрисы.

Пётр Степаныч рассчитался с водителем такси и помог мне выйти из машины. Он распахнул дверь подъезда довольно унылого сталинского дома. Я ощутила неловкость и подумала, что, по всей вероятности, большой город притупляет

чувство страха. Я иду на квартиру к совершенно незнакомому человеку, напрочь забыв про чувство самосохранения.

– Вы знаете, я в первый раз в такой ситуации.

– В какой?

– Вот так, с первым встречным... К нему домой...

– А ты разве ещё не убедилась, что я не первый встречный?

– Убедилась, и всё же чувствую себя как-то неловко.

Мы вошли в лифт, который был под стать ветхому дому: несомненно, ему срочно требовался капитальный ремонт. Взглянув на тусклое освещение, я осторожно спросила:

– Не застрянем?

– Не переживай. Работал пятьдесят лет и ещё столько же проработает.

– Не скажите. С техникой шутки плохи. Такое впечатление, что этому лифту место на свалке. Интересно, сколько лет этому дому?

– Много. Ты думаешь, у преподавателей или завкафедрой государственного института такая зарплата, что они могут жить в особняках?

– Не знаю, но мне казалось, что люди вашего ранга живут в более комфортных условиях.

– Ты ошибаешься. Вот так и живём. Не жалуемся.

Открыв массивную, слегка перекошенную дверь своей квартиры, Пётр Степаныч пропустил меня вперёд и вошёл следом за мной. Признаться честно, я ещё никогда не была в

подобных жилищах. Грязь, мусор и какой-то крайне неприятный запах, словно поблизости что-то протухло.

– Не обращай внимания на запах. Это у соседей лук загнил. У меня в комнате чисто и хорошо. Я всегда проветриваю.

– Это коммуналка?

– Она самая.

– А почему вы не сделаете соседям замечание?

– По поводу чего?

– По поводу гнилого лука.

– Бесполезно.

– Что значит «бесполезно»?

– Соседи – алкоголики. Начнёшь их в чём-то убеждать – себе дороже будет. Они живут по принципу: моя хата с краю, ничего не знаю.

– А разве в коммунальной квартире можно не считаться с соседями?

– Детка, в коммунальной квартире можно всё. Именно поэтому люди бегут из коммуналок.

Комната Пётра Степаныча была большая и светлая. Достаточно чистая. Нехитрая обстановка говорила о том, что хозяин её несколько стеснён в средствах.

– А мне всегда казалось, что такие люди, как вы, должны жить в роскоши.

– А я разве похож на миллионера?

– Нет, но ведь вы высокую должность занимаете!

– Возможно, но она не такая хлебная, как мне бы хотелось.

Сев на старенький стул, я послушно сложила руки на коленях и посмотрела на Пётра Степаныча с надеждой.

– А вы правду о кино говорили?

– Какого кино? – Мой новый знакомый снял пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул ворот рубашки.

– Вы говорили, что у вас есть друг режиссёр и что он ищет актрису для своего фильма. Я смогла бы сыграть главную роль или хотя бы принять участие в пробах.

– Не сомневайся. Я устрою тебе пробы. Детка, ты что будешь пить?

– Чай, – немного неуверенно ответила я.

– Чай – это несерьёзно. Я считаю, что нашу встречу нужно отметить. Выбери напиток по своему вкусу в серванте.

– Я не хочу спиртного, – покачала я головой и кинула взгляд в сторону серванта.

В отличие от скромной комнаты Пётра Степаныча содержимое серванта отличалось особой изысканностью и удивительным разнообразием. Создавалось впечатление, что вместо того, чтобы вкладывать заработанные деньги в интерьер своей комнаты, мужчина вкладывал их в «интерьер» серванта и забивал его всевозможными дорогими бутылками.

– Я не желаю слушать твоё «не хочу». Не каждый день приглашают девушек для того, чтобы сделать из них звезду. Давай выпьем за знакомство. У меня есть вкусный ликёр. Ты же сладкоежка, он как раз клубничный. Ну что, отмеча-

ем? – Не дожидаясь моего ответа, Пётр Степаныч поставил на стол бутылку ликёра и достал из холодильника разрезанный на ровные куски торт. – Ликёр с тортом – это же по-барски. Тебя, наверное, удивляет, что у меня холодильник стоит в комнате, но ты не забывай, что находишься в коммунальной квартире. Если бы я держал его на кухне, то мне пришлось бы повесить на него замок. Ну что, сладкоежка, налетай на угощение.

– Мне самый маленький кусочек!

– А тебя тут никто спаивать и раскармливать не собирается.

Плеснув в рюмку достаточно большую порцию ликёра, мой новый знакомый тут же залпом выпил полную рюмку водки. Я стала медленно пить свой ликёр и обдумывать продолжение нашего разговора.

– А у тебя родители-то есть? – Мужчина задавал мне вопросы и, как только я делала глоток, тут же подливал мне ликёр, так что моя рюмка была всегда полна. – Как они тебя отпустили? Ты из неблагополучной семьи?

– Прекратите. Я больше не буду пить, – пробовала протестовать я.

– Да ладно тебе! Живём один раз. Не знаю, как тебе, но мне наше знакомство очень даже приятно. Ты не ответила на мои вопросы. У тебя есть семья?

– Конечно, есть.

– А как тебя мама отпустила?

– А что ей оставалось делать? Меня вообще тяжело отговорить от задуманного. Родители покричали, конечно, перед отъездом – этим дело и закончилось. Кстати, я бы не назвала свою семью неблагополучной. Вполне нормальная семья. Отец, конечно, выпивает; мать поколотить может, но я уже к этому привыкла. А зачем вы спрашиваете?

– Просто из праздного любопытства.

– Пётр Степаныч, а когда вы позвоните своему режиссёру? Вы, правда, устройте меня на подготовительные курсы? Мне кажется, что всё это сон. А хотите, я вам стихи прочитаю? А может, басню? Я их много знаю.

– Зачем? – опешил уже подвыпивший мужчина.

– Как это зачем? Я ведь к поступлению в институт чёрт знает сколько готовилась – не один сборник стихов наизусть выучила. Такое количество стихов мало кто знает. Я, конечно, понимаю, что в этом деле главное не количество, а качество, но у меня качество тоже не страдает. Я ведь читаю с душой. Послушайте, пожалуйста.

– О, нет... – замахал руками Пётр Степаныч.

– Ну почему? – расстроилась я. – Почему? Меня сегодня в комиссии слушать не хотели, так хоть вы послушайте.

– Этого мне на работе хватает. Потом считаешь. Я верю, что ты и стихи, и басни, и песни знаешь. А вот как у тебя с этюдами?

– Нормально. Я просто до них не дошла. У меня вообще фантазия богатая: я в школе всегда участие в художествен-

ной самодеятельности принимала. У нас театральная студия была, так я с таким вдохновением играла! Между прочим, все главные роли были мои. Так что я – прирождённая актриса с детства.

– Сам себя не похвалишь – никто не похвалит.

– Я вам серьёзно говорю!

– Я тоже.

– Что вам изобразить?

– А что ты умеешь?

– Да что угодно. Я могу изобразить даже чайник. Хотите?

Я быстро вскочила со своего места, но Пётр Степаныч отрицательно качнул головой и жестом дал понять мне, чтобы я села обратно.

– Деточка, я тебе верю. Не стоит показывать чайник. Я верю, что у тебя это очень хорошо получится. Лучше изобрази мне служанку.

– Кого?

– Служанку. Такую милую, молоденькую девочку-служанку, которая исполняет все желания своего хозяина.

Я слегка напряглась и спросила обеспокоенно:

– А хозяином кто будет?

– Я. Деточка, открой шкаф. Там лежит коротенькое серенькое платьице с симпатичными складками, беленький кружевной фартучек и чулочки в сеточку. Не переживай, все вещи твоего размера. Так что тебе подойдут. Да, ещё забыл про туфельки на высоких каблукках – там же три пары раз-

ного размера. Найди свой. Думаю, какие-нибудь туфельки тебе обязательно подойдут. Давай, милая, не тяни время. Переодевайся. Если ты меня стесняешься, то можешь открыть дверцу шкафа и переодеваться за ней. Мне просто не терпится тебя увидеть в роли служанки.

– Пётр Степаныч, а я вам её так изображу, без всякого костюма, – растерялась я ещё больше.

– Без костюма тяжело войти в образ. – Мужчина вновь подлил мне ликёр и наполнил свою рюмку.

– Войти в образ можно и без костюма. А вы меня споить, что ли, собрались?

– Боже упаси! Я малолетних девиц не спаиваю. Я всего лишь тебя угощаю. Света, прекрати капризничать. Давай переодевайся. Мой знакомый режиссёр ищет девушку на главную роль, и если хочешь знать, то это роль служанки. Мы должны с тобой всё хорошенько отрепетировать.

– Бред какой-то. Но не у вас же дома!

– А где?

– Мне кажется, что я сейчас в какой-то глупой ситуации, можно сказать, даже смешной. Прямо комедия, честное слово.

– Ты сама устроила эту комедию.

– Её устроили вы, а я всего лишь пытаюсь понять, что сейчас происходит.

Пётр Степаныч осушил свою рюмку и закурил сигарету.

– Послушай, детка, ты собралась стать звездой или нет? У

тебя не должно быть комплексов. Со своей никому не нужной скромностью ты ничего не добьёшься. На киностудии во время проб ты тоже будешь себя так вести? Заметь, что там тебе тоже предложат надеть наряд служанки. Если ты состоишь из одних комплексов, то у тебя вообще нет никаких шансов. Дорогая, подумай о другой профессии. Не стоит заниматься тем, что тебе не дается. Кстати, у нас в институтской столовой есть вакантное место посудомойки. Могу устроить. Будешь мыть посуду в фартуке и перчатках. Самое главное, что никто и ничего не будет от тебя требовать.

– Я приехала в Москву не для того, чтобы работать посудомойкой. Устроиться на подобную работу я могла бы и у себя дома.

– Я тоже так думаю. Стоило ли ехать в Москву для того, чтобы себе портить жизнь? Судьба подарила тебе встречу со мной, а ты стоишь тут и артачишься. Я должен посмотреть, на что ты годишься. Ведь если я буду тебя куда-то устраивать, мне придётся замолвить за тебя словечко. Мне придётся говорить людям, что ты чего-то стоишь, что ты талантлива, в конце концов. А ты талантлива пока лишь на словах. Ты мне ещё ничего путного не изобразила.

– Но ведь я же хотела показать вам чайник! – Я была близка к отчаянию.

– Что ты прицепилась ко мне со своим чайником?! Тебе что, показать больше нечего? Один чайник, наверное, все эти годы и репетировала.

– А вот и нет! – От обиды мне почему-то захотелось плакать, но я знала, что не имею права показывать своих слёз. – Я много чего могу изобразить. У меня фантазия будь здоров. Я могу, например, сыграть роль хлебобрезки.

– Чего?

– Хлебобрезки!

Мужчина прыснул со смеху, чувствовалось, что он уже «поплыл».

– Я разве сказала что-то смешное?

– Послушай, хлебобрезка, я от тебя устал. Ещё минута, и ты предложишь мне изобразить сковородку или вафельницу. Я же хочу, чтобы ты изобразила служанку. Представь, что ты приехала на киностудию и тебе велели переодеться. Ты будешь вести себя точно так же? Режиссёр скажет, что будет пробовать тебя на роль девушки-служанки, а ты будешь бить кулаком себя в грудь и убеждать его, что ты хочешь сыграть хлебобрезку. Как ты думаешь, что в таком случае тебе ответят? Наверняка скажут: «Дорогая, извините, но это киностудия. Шли бы вы в таком случае на кухню! У нас в столовой как раз хлебобрезка сломалась. А не нарежете ли вы тут нам всем хлеба?!»

– На киностудии всё будет совсем по-другому.

– Как по-другому, если ты здесь себя проявить не можешь?

– Я вас уверяю, что там я себя проявлю. Вот увидите.

– Сомневаюсь. Если человек умеет себя показать с луч-

шей стороны, то он делает это сразу. А вот если компостирует мозги, то он – настоящий бездарь. Всё, вопрос о твоей звездной жизни закрыт. Давай выпьем и разойдёмся с миром.

– Почему?

– По кочану.

– Но вы не правы! Я уже говорила вам, что как-то неловко чувствую себя в стенах вашей квартиры.

– Если ты думаешь, что меня интересует твоё тело, то глубоко ошибаешься. Ты вообще не в моём вкусе. Я на кости не бросаюсь. У тебя даже подержаться не за что. Оставь своё тщедушное тело для каких-нибудь малолетних юнцов, которые любят перебирать ребра. Осознание красоты женского тела приходит с возрастом. Так что ко мне оно уже давно пришло. Детка, если ты думаешь, что мне не с кем спать, то глубоко ошибаешься. Да я сейчас только на кафедру зайду, сразу очередь выстроится. Да и не только на кафедре. Все, собирайся и поезжай к себе в гостиницу. Считаю, что сотрудничество между нами закончилось. Я тебе ясно сказал, что меня твои кости не интересуют. Ты слишком переоцениваешь свои возможности. Я понимаю, что у девушки должна быть нормальная самооценка, но это только в том случае, если эта барышня чего-то стоит. А твой случай наводит на мысль, что, кроме чересчур завышенной самооценки, у тебя вообще ничего нет.

Я стояла как вкопанная, хлопала ресницами и не могла

произнести от возмущения ни слова.

– Девушка по имени Комплекс, можешь пригубить рюмочку напоследок и – до свидания.

– А вот хамить не обязательно! – Решительно подойдя к столу, я допила ликёр и направилась к шкафу для того, чтобы переодеться.

Глава 3

Этот противный старикашка, так нелестно отозвавшийся о моей внешности, оказался прав. Изрядно поношенное платье служанки оказалось мне впору, словно его шили по мне.

– Ну как, влезла?! – крикнул мне Пётр Степаныч, по-прежнему сидевший на своём месте.

– Влезла.

– Я так и думал!

– А я смотрю, платье-то не первой свежести. Не одна девушка его надевала, изображая служанку.

– Это реквизит нашего института.

– Тогда понятно. Кстати, все девушки, которые мерили до меня это платье, имели ту же комплекцию, что и я. В вашем понятии все они были костлявыми и непривлекательными. Тем не менее в вашем шкафу платье не пятьдесят восьмого размера.

– На роль служанки требуется худенькая девушка.

– Это почему же?

– Потому, что полные служанки неповоротливы и от них проку мало. Худые пошустрее.

– И часто в вашей квартире появляются девушки, готовые сыграть роль служанки?

– Совсем не так часто, как тебе может показаться на первый взгляд.

- А у меня на этот счёт своё мнение.
- Предлагаю оставить его при себе. Ну что, ты оделась?
- Надеваю чулки.
- Замечательно. Надеюсь, что они тебе тоже впору.
- Мой размерчик. И как это вы только угадали?
- Работа у меня такая.

Посмотрев в зеркало, я улыбнулась своему отражению и отметила, что из меня действительно получилась бы неплохая служанка. Вернее, я смогла бы сыграть в кино роль служанки, потому что работать прислугой – совсем не моё предназначение. А вот этот карнавальный костюмчик мне очень даже к лицу. Чересчур короткая юбочка, сетчатые чулки, туфельки на высоких каблучках. Удивительно, что у этого ответственного работника в шкафу оказались три пары туфелек одинакового фасона, но разного размера.

В этот момент заиграла громкая музыка, и я растерянно выглянула из-за дверцы шкафа. Пётр Степаныч прилёг на кровать прямо в одежде, держа в руках небольшой приёмник, настраивая его на нужную волну.

- Ты готова?
- Готова. А вы что, устали сидеть? Вы зачем на кровать завалились?
- Водка в голову стукнула.
- Зачем же нужно было столько пить?
- Я же тебе уже, по-моему, объяснял, что мы живём один раз. И давай завязывай меня стыдить и учить жизни. Я уже

большой мальчик и сам знаю, что такое хорошо и что такое плохо.

Зазвучала приятная музыка. Он поставил приёмник рядом с собой, протёр носовым платком стёкла очков и оглядел меня с ног до головы.

– А что вы так на меня смотрите?

– Хороша!

– Вы же только что сказали, что я костлявая.

– Моё поколение и в самом деле привыкло к более пышным формам, но ты очень хорошо сложена.

– А перед этим вы наговорили мне кучу гадостей!

– Я не оскорблял. Я всего лишь заставил тебя раскрепоститься. Твоя зажатость отталкивает, а комплексы могут испортить всё дело.

– Какое дело?

– Как какое? Мы же с тобой всё решили. Я буду делать из тебя звезду.

– Надеюсь, я стану звездой не только в стенах этой коммунальной комнаты, – язвительно усмехнулась я.

– Сначала в этих стенах, а уж потом я буду выводить тебя в люди. Крошка, у тебя всё впереди. Тебе повезло. Ты оказалась в нужном месте в нужное время. А самое главное, что ты познакомилась с нужным тебе человеком.

Я посмотрела на лежащего на старой железной кровати странного человека и подумала: неужели он действительно способен помочь мне стать известной актрисой? Я вспом-

нила слова матери, которая, осознав, что меня невозможно остановить и я всё равно уеду в Москву, вытерла слёзы и дала мне последнее напутствие: «Я не люблю Москву, – честно призналась она, – потому что она фальшивая и продажная. Этот город встречает с распростёртыми объятиями только тех, кто прибыл с большими деньгами. А тех, кто без денег, он оставляет без внимания. Вот такая она, Москва. Я слышала, что в Москве на одной лестничной площадке соседи даже не здороваются друг с другом. Знай, дочка, в Москве у тебя будет много недоброжелателей, которые станут откровенно над тобой смеяться и вставлять палки в колёса. Будут мнимые доброжелатели, которые протянут тебе руку помощи, но знай, что если ты примешь их помощь, то они тебя и потопят. Будь осторожна, дочка, потому что в Москве, – не то что в нашей хлебосольной провинции, – каждый сам за себя».

Возможно, моя мама была права и мне не стоило распахивать душу перед первым встречным, а этот человек очень странный, с ним нужно держать ухо востро. Если он заведует кафедрой престижного института, то это ещё не означает, что желает мне добра и не хочет воспользоваться отчаянием не поступившей в институт провинциалки.

– Ну что, поиграем в служанку? – громко спросил меня Пётр Степаныч и сделал музыку немного тише. – С этой минуты тебя зовут не Светлана.

– А как?

– Тебя зовут Люси.

– Почему именно Люси?

– Потому что мне хочется, чтобы мою служанку звали Люси. Ты будешь звать меня не Пётр Степаныч, а «Мой повелитель».

– Ах, мой повелитель. – В эту минуту мне показалось, что я подыгрываю сумасшедшему человеку, но я постаралась не выдать своих опасений. – Значит, я должна быть вашей служанкой?

– Конечно, моей, а чьей же ещё?! А теперь, Люси, станцуй для меня.

– Вы это серьёзно?

Мужчина сделал музыку ещё тише и посмотрел на меня недовольно:

– Детка, входи в роль, или я разозлюсь и пошлю всю твою звёздную карьеру к чёртовой матери! Исполни все мои желания! Я не понял, ты хочешь стать звездой или нет?

– Хочу.

– Что-то я твоего желания не вижу. Если ты ещё раз решишь поступать в институт, то на вступительных испытаниях тебе придётся танцевать. Ты разве не знаешь?

– Знаю, – в моём голосе появилось раздражение. Мне показалось, что ещё никогда в жизни я не попадала в столь дурацкую ситуацию. – Ну, так это же в институте...

– Послушай, детка, ты начала сильно меня утомлять. Я хочу посмотреть, как ты двигаешься. Танцуй, чёрт бы тебя

побрал.

В этот момент заиграла громкая музыка, и я принялась кружиться по комнате. Вспомнив про Золушку из моего любимого детского мультика, танцующую со шваброй, я стала изображать те же движения. Я делала вид, что держу в руках швабру, которая играет роль кавалера, и кружусь с ней в волнующем танце.

– Детка, а ты пластичнее, чем я мог себе представить! – улыбнулся довольный моим танцем Пётр Степаныч и сделал музыку потише.

– Хватит? – Я резко остановилась и с ужасом увидела, что Пётр Степаныч поставил приёмник на пол и поманил меня пальцем.

– Хватит. Считай, что этюд ты уже сдала.

– Как жаль, что вас не было сегодня в комиссии!

– Люси, подойди сюда.

– Зачем? – прищурилась я.

– Не спрашивай меня ни о чём. Просто иди сюда и всё. Я тебе приказываю.

– Пётр Степаныч, что-то мне не нравятся наши игры!

– Не называй меня Петром Степанычем. Обращайся ко мне «Мой повелитель». Входи в роль!

Подойдя к кровати, я подозрительно посмотрела на завкафедрой и без особого энтузиазма произнесла:

– Что вам нужно, мой повелитель?

– Молодец, Люси! С этого дня для тебя существует толь-

ко такое обращение к своему хозяину. Ты должна исполнять всё, что я приказываю. Если будешь мне перечить, то я лишу тебя жалованья или буду бить розгами. Тебя когда-нибудь били розгами?

– Нет.

– Это больно. Поэтому будет лучше, если ты не будешь выводить меня из себя. А иначе я подниму твою коротенькую юбочку в складочку, сниму твои кружевные трусики, возьму плётку и начну хлестать по твоей упругой попке. Кстати, а у тебя кружевные трусики?

– Кружевные, – слегка опешила я и попыталась понять, что сейчас происходит. Таковы правила игры или это бред сумасшедшего?

– Я так и знал. Я это понял, когда только тебя увидел. Я сразу подумал, что у такой милой девочки должны быть кружевные трусики.

Я наклонилась над этим идиотом и процедила сквозь зубы:

– Может, поиграли и хватит?

– Люси, я не понимаю, о чём ты? Ты не хочешь играть со своим повелителем? А сейчас лучше сними с меня брюки.

– Что?

– Я приказываю тебе снять с меня брюки!

– Зачем? – дрожащим голосом спросила я.

– Люси, ты много говоришь и мало делаешь. Не спрашивай меня ни о чём, а лишь исполняй мои желания.

– С какой это стати я должна снимать ваши штаны? Пётр Степаныч, а вам не кажется, что это уже не смешно?

– Люси! Снимай брюки, я сказал!

Не обращая внимания на мой ужас, явно невменяемый мужчина расстегнул ширинку и принялся стягивать брюки, ругая меня за нерасторопность. Как только он остался в ярких семейных трусах в крупный горошек, я отпрянула от кровати. Несмотря на наличие трусов, было нетрудно догадаться, что детородный орган лежащего передо мной мужчины был в полной боевой готовности.

– Да вы сумасшедший!

– Люси, я хочу, чтобы ты сняла с меня трусы своими руками. Детка, разве ты не видишь, что ты меня возбуждаешь? Если ты и дальше будешь вести себя в том же духе, то мне придётся тебя наказать. Люси, ты же не хочешь, чтобы тебе было больно? Я буду бить тебя до тех пор, пока ты не потеряешь сознание!

– Это что, тоже вживание в роль? – Я отошла подальше от сумасшедшего и прислонилась к стене.

– Какая роль, Люси, ты о чём?

– О том, что вы больной на голову человек. – Покрутив пальцем у виска, я скинула туфли на каблуках и сняла фартук.

– Люси, ещё рано раздеваться. Люси! Надень фартук и туфли. Я хочу, чтобы ты была при полном параде. Ты должна раздеться только тогда, когда я тебе прикажу.

Увидев, что чересчур возбуждённый сексуальный маньяк скинул трусы, я с ужасом посмотрела на его торчащее достоинство и вжалась в стену.

– Пётр Степаныч, а ты давно голову проверял? И много у вас таких сумасшедших работает? Оденься и немедленно прекрати этот цирк!

– Люси, ты меня разочаровала. Твой повелитель давал тебе шанс реабилитироваться, но ты не захотела его использовать. Мне очень жаль, что так вышло.

– Мне тоже. Мне жаль, что я поверила сумасшедшему человеку.

Открыв стоящий у стены сундук, выживший из ума преподаватель вуза извлёк плётку, на которой я сразу заметила стальной наконечник.

– О боже! – еле прошептала я и стала осторожно пятиться к двери.

Я вдруг поняла, что имею дело с настоящим безумцем. Он стоял передо мной в белой рубашке, в носках, без штанов и держал в руках самую настоящую плётку, которую я раньше видела только в кино.

– Ты, полоумный дурак, если ударишь меня хотя бы раз, я заявлю на тебя в милицию и засажу за решётку!

Бросившись к двери, я попыталась её открыть, но, к моему удивлению, она была заперта. И когда этот выживший из ума гусак успел закрыть дверь на ключ?

– Люси, дверь заперта. Ты зря дёргаешься. – Голос у Пётра

Степаныча приобрёл металлические нотки. — Отсюда невозможно выбраться. Ты можешь выйти из этой комнаты только в одном случае.

— В каком? — Я задрожала.

— Если ты меня осчастливишь.

— Как?

— Люси, ты уже большая девочка и должна знать, как сделать счастливым мужчину.

— Я не Люси! Я Света!

— Я не знаю Свету. Я знаю Люси.

— Я прошу прекратить этот цирк! Боже, как же хорошо, что я не поступила в ваш институт. Даже страшно подумать, чему там могут научить, если в нём работают такие преподаватели. Я прошу всё прекратить!

— А я прошу тебя быть умницей.

После того как я отрицательно замотала головой, явно обезумевший мужчина поднял плётку и для большего устрашения ударил по бутылке, стоящей на столе. Как только она разбилась, Пётр Степаныч захохотал и принялся избивать плёткой меня. Стальной наконечник ранил моё тело, и я почувствовала такую дикую боль, что едва не потеряла сознание.

— Немедленно прекрати! Немедленно! Я засажу тебя за решётку! Я сниму побои и напишу заявление в милицию! Ты встретишь старость за решёткой! Тебе это будет дорого стоить!

– Да кто ты такая?! – истерично рассмеялся садист. – Кто тебя будет слушать? Приезжая шлюха! Дешёвая провинциалка! Звездой она захотела быть! Да я таких звёзд знаешь сколько видел?!

– Сколько?!

– Да ты даже представить себе не можешь! И любая ве- ла бы себя намного приличнее, чем ты! Возомнила из себя звезду! Звёзды уже снимаются в кино и играют на театраль- ных подмостках, а такие, как ты, должны делать то, что им говорят, и не лезть на рожон. Я таких «звёзд» пачками имел, и все они были сговорчивыми! Тебе ли выбирать? Ты кто та- кая? Я тебе сейчас знаешь где звезду сделаю?!

– Ах ты, сволочь! Помогите! Помогите!!! Меня убивают!

Я и понятия не имела, что могло меня спасти в этот страш- ный момент, и всё же на что-то надеялась. Я подумала, что квартира коммунальная и за стенкой живут соседи. Они не могут не услышать моих криков и должны вызвать милицию, которая обязательно приедет и спасёт меня. Я ждала, что со- седи по коммуналке начнут стучать в дверь, будут спраши- вать, что случилось, а быть может, до приезда милиции их терпение лопнет и они вышибут дверь и спасут меня. Но на мои крики никто не реагировал, никто не стучал ни в стенку, ни в дверь. Никто не спрашивал, что случилось, и вообще не подавал признаков жизни. Создавалось впечатление, что за стенкой просто никого нет.

– Помогите!!!

– Не ори. Никто не придёт тебе на помощь.

– Соседи уже вызвали милицию!

– Соседей нет.

– Как это нет?

– Я тебе говорю, что в квартире пусто.

– Значит, мои крики услышат соседи сверху или снизу, но сюда всё равно приедет милиция!

– Дура ты! Никто сюда не придёт! Ублажи своего повелителя, и я буду добрым. Ты даже представить себе не можешь, каким я могу быть добрым и пушистым. Если Люси начнёт вести себя правильно, то её обязательно простят и прекратят наказывать.

– А ну-ка убери плётку, придурок! Я не Люси. Я Светлана!

В этот момент этот маразматик ударил меня с такой чудовищной силой, что мне показалось, будто стальной наколочник рассёк моё тело пополам. Я пронзительно заорала, голова у меня закружилась, а ноги подкосились. Зарыдав, я подняла на своего мучителя ничего не понимающий взгляд, осознавая, что сегодняшняя вечер может стоить мне жизни. Этот человек, без сомнения, психически нездоров: он может запросто забить меня до смерти. За ним дело не станет. Умелец так ловко орудует плёткой, словно каждый день избивает таких же наивных, дурных и бестолковых девчонок, как я, мечтающих стать звёздами чуть ли не мирового масштаба и наивно согласившихся поиграть в служанок.

Я пыталась увернуться от плётки, закрывала лицо рука-

ми, кричала, что было сил. На руках моих была кровь. Много крови. Это говорило о том, что моё лицо сильно разбито. Именно это и привело меня в бешенство. Лицо – это ведь визитная карточка. И что же теперь с ним стало? Я понимала, что сейчас глупо переживать за внешность, потому что в первую очередь надо переживать за жизнь, а ведь она может оборваться в любой момент. Я уже не сомневалась, что он забьёт меня до смерти. Спасаясь от плётки, я бросилась в сторону и, схватив с полки железную статуэтку, что было силы ударила ею преследователя. Удар пришёлся по голове, он был достаточно сильным и резким.

– На, получай, гад ползучий! Ты же хотел, чтобы я тебя осчастливила?! Так прими по полной программе, сволочь, подонок!!! Это тебе от всех служанок, от всех Люси, идиот! Ну, а теперь-то ты счастлив? Скажи, счастлив или нет?! Счастлив?!

Пётр Степаныч вскрикнул, выронил плётку и рухнул на пол. Недолго раздумывая, я встала рядом с ним на колени и била его до тех пор, пока не пришла в себя и поняла, что уже пора остановиться.

– Ну что, получил?! Успокоился? Больше плёткой махать не хочется? Я отбила у тебя это желание? Слышишь, козёл, ну что ты молчишь?! Пропало желание говорить? Ну, скажи что-нибудь. Только не называй меня Люси, потому что если ты назовёшь меня Люси, то получишь ещё.

Наклонившись к лежащему, я попыталась его перевер-

нуть лицом вверх, но с ужасом увидела кровоточащую рану на его голове.

– Послушай, ты это... Ты случайно лапы не склеил? Тебе больно? Ну скажи хоть что-нибудь. Ты что молчишь?

Пётр Степаныч молчал и не двигался.

– Эй, подъём! – Я принялась трясти его за плечи и перевернула с живота на спину.

– Я сейчас тебя перевяжу. Ты только подай хоть какие-нибудь признаки жизни...

Но он не отвечал. И не мог этого сделать, потому что у него полностью отсутствовал пульс. Пётр Степаныч был мёртв. Уронив безвольную мягкую руку на пол, я закричала от ужаса, но тут же зажала рот потной ладонью.

Глава 4

– Ой, мамочки, что ж теперь будет-то?

Я не обращала внимания на кровь на своём лице. Это было сейчас неважно. Меня сковал ужас. Я чувствовала, как по моим щекам текут слёзы.

– Хорошо же ты меня приняла, Москва. Спасибо тебе! Значит, так ты поступаешь с ненужными и неудобными тебе людьми? Понятно... Кого отправляешь обратно на малую родину, а кого прячешь за решётку. Видно, правду говорят, что души в тебе ни на грош не осталось. Что я тебе плохого-то сделала? Что? В тюрьму захотела меня упрятать? Да ничего у тебя не получится, я так просто не сдамся! Я не собираюсь ломать свою судьбу из-за какого-то сексуального маньяка. Не на ту напала!

Запустив руку в карман пиджака, висящего на спинке старенького стула, я извлекла ключ и бросилась к двери. Мне повезло: ключ подошёл, и я оказалась свободна. Добежав до конца коридора, я остановилась, чтобы прислушаться: нет ли кого в квартире, и убедившись, что она пуста, сморщилась от стоящей в коридоре невыносимой вони и заскочила в ванную. Мне стало страшно, когда я увидела в зеркале своё лицо... Тело также представляло одну сплошную кровотокающую рану.

– Бог мой...

Недолго думая, я принялась умываться холодной водой и, морщась от жуткой боли, промокать мокрым полотенцем раны на теле.

– Вот это я попала!.. Вот это я влипла!.. – причитала я. – Стоило ли ехать в Москву для того, чтобы стать убийцей? Такое может случиться только со мной...

Быстро смыв кровь, я вернулась в комнату, где лежал труп, и в спешном порядке принялась думать, что же мне делать? Я вновь полезла в карман пиджака для того, чтобы найти там документы, принадлежащие умершему. Но никаких документов не было. Ни в пиджаке, ни в карманах валявшихся на полу брюк. Странно... Я тут же вспомнила, что Пётр Степаныч обиделся на меня за то, что я сказала, будто он аферист, и полез в карман пиджака за документами. В тот момент, когда он запустил руку в карман, к нам подошёл молодой человек, который рассказал о своей не прошедшей первый тур племяннице. Мужчины принялись обсуждать это. Больше вопрос о документах не возникал.

И всё же, если мужчина искал документы, значит, он думал, что взял их с собой. Но ничего нет. Интуиция подсказала мне, что все это липа. Никаких документов в кармане не было и в помине. Я подошла к стоящему рядом с кроватью комоду и принялась выдвигать ящики в поисках бумаг. Мне надо было точно знать, кого же я лишила жизни. Неужели, действительно, преподавателя, заведующего кафедрой института? О, господи...

Поиски оказались напрасными. Вытерев слёзы, я посмотрела на часы и, опомнившись, поняла, что пора смываться. В любой момент могут вернуться соседи. Случайно открыв крышку стоящей в серванте керамической супницы, я увидела доллары и дрожащими руками принялась их пересчитывать. Ровно две тысячи долларов. От этой суммы у меня потемнело в глазах и пересохло во рту.

– Бог мой, я таких денег и в руках-то никогда не держала. Две тысячи долларов... Две тысячи! Я и подумать не могла, что такие деньги свалятся на меня прямо с неба. И вот они у меня в руках. Но какой ценой? Каким образом?

Смахнув пот со лба, я мгновенно сунула деньги в карман и тут заметила на дне супницы небольшой листок бумаги. Пытаясь побороть нервную дрожь, я развернула бумажку. Это была справка об освобождении из мест заключения на имя Мышкина Пётра Степаныча, который освободился совсем недавно, всего несколько месяцев назад. Ещё раз бегло перечитав справку, я сунула её обратно и закрыла крышку. То, что лежавший на полу мужчина не был преподавателем института, не вызывало у меня больше сомнений.

– А кто же подходил к нему по поводу племянницы? – Я сама не заметила, как задала этот вопрос вслух. – Сообщник? Напарник, помогающий побыстрее заманить жертву в квартиру? Кто?

Сейчас я не могла ответить на этот вопрос. У меня просто не было на это времени. Закрыв дверцы серванта, я направи-

лась к выходу, но тут же остановилась, с ужасом подумав, что в комнате полно моих отпечатков пальцев. Схватив первое попавшееся полотенце, я принялась протирать всё, к чему прикасалась. Вытерла пустую рюмку Пётра Степаныча, свою я бросила в пакет, висящий на батарее, поставила бутылки, стоящие на столе, в сервант и подошла к зеркалу посмотреть на то, как выгляжу. Я сняла резинку с волос и постаралась распущенными волосами прикрыть раны на лице. Сняв платье служанки, я быстро переоделась в свои вещи и, кинув в пакет полотенце, которым тщательно стерла отпечатки своих пальцев, вышла из комнаты.

Я шла на полусогнутых ногах, прислушивалась к каждому звуку и молила бога только об одном: чтобы он позволил мне беспрепятственно выйти из этой злополучной квартиры. Подойдя к входной двери, я попыталась её открыть, но безрезультатно. Она была заперта на ключ, который мне предстояло найти, а это было почти невозможно.

Повозившись с входной дверью, я поняла, что только теряю драгоценное время: в комнате убитого я нашла лишь ключ от комнаты. Никакого другого ключа я там не обнаружила. Значит, ключ где-то в коридоре, и я просто обязана его найти. Иначе мне просто отсюда не выйти.

Все остальные события происходили словно в дурном сне. Я искала ключ везде, где только могла: в коридоре, на кухне, в ванной и туалете, а также в той комнате, где лежал труп. Я уже не думала о том, что оставляю повсюду отпечатки своих

пальцев. В тот момент меня не интересовала моя дальнейшая безопасность: мне было не до неё. Я думала только о том, как бы мне побыстрее выскочить из квартиры и забыть всё, что со мной случилось, как страшный, кошмарный сон.

Я уже потеряла счёт времени и, бегая по замкнутому кругу из комнаты в коридор, а из коридора в комнату, в какой-то момент поняла, что мне вряд ли удастся найти этот проклятый ключ и что я в ловушке, из которой невозможно выбраться.

– Господи, да за что же мне всё это? Мамочка, лучше бы я от тебя не уезжала. Мамочка... Как же ты была права! Как права...

Подойдя к окну, я посмотрела вниз и убедилась, что мне не выбраться из квартиры даже через окно – слишком высоко. За окном шумела московская улица, и мне показалось, что Москва злорадно улыбнулась мне. Она усмехается! Несомненно, она просто надо мной издевается. В комнате не было балкона. Открыв створки нараспашку, я высунулась из окна и посмотрела на соседский балкон – до него было рукой подать. Возможно, на моём месте кто-то бы и смог сделать столь рискованный трюк, но только не я, потому что я с детства боялась высоты. Конечно, лучше укрыться на чужом и незнакомом балконе, чем сидеть и ждать приговора в компании покойника. Но страх высоты отогнал от меня эту мысль, тем более дверь соседнего балкона была плотно закрыта, и вряд ли мой отчаянный крик кто-нибудь услышит. Да и кри-

чать-то нельзя... Мигом в тюрьму упрячут. Покойный был прав. Кто я такая? Провинциалка, у которой нет ничего, кроме амбиций. Правда, теперь и от них не осталось даже следа. Приезжая, убившая москвича. И неважно, что он только что вышел из мест заключения и заманивал на квартиру молоденьких девиц, чтобы поразвлечься. Это человек, ему дана жизнь, и я не имела права лишать его жизни, хотя бы по той причине, что не я её ему дала. А то, что он хотел забить меня до смерти, нужно ещё доказать, да и все мои аргументы вряд ли кто-то захочет выслушать. В глазах других я – убийца. Хладнокровная и расчётливая. Убийца, место которой за решёткой.

Внезапно в голову пришло неожиданное решение. А что, если я шагну из окна? Но там, внизу, гуляли мамы с колясками, а неподалёку, в песочнице, играли дети. Они о чём-то спорили, смеялись и строили из песка замки. Когда-то я тоже любила делать куличики и могла проводить за этим занятием массу времени. Когда другие дети ломали то, что я строила часами, я не могла на это смотреть. Мне было больно, что созданный мною мир рушится. Прошли годы, я повзрослела и перестала строить песочные замки. Я стала возводить замки из воздуха. Строить воздушные замки оказалось не менее увлекательно, чем песочные. Помню тот день, когда был разрушен мой первый воздушный замок. Я и подумать не могла, что мои воздушные замки будут разрушены реальной жизнью. То, что строилось долго, собиралось по крупицам,

рухнуло в одно мгновение, словно ничего и не было вовсе. Но я не опустила руки и не стала спорить с судьбой. Уже более осторожно я принялась за строительство второго замка и получила тот же самый результат, что и раньше. А потом... Потом это уже вошло в привычку. Я построю, а жизнь возьмёт и разрушит. Очень тяжело, когда твоё творение исчезает прямо на глазах. Я не могу на это смотреть: я всегда отворачиваюсь, закрываю глаза и начинаю нервно кусать губы. С жизнью разве поспоришь? Единственное, что меня успокаивало, так это то, что у меня ещё есть силы для того, чтобы начать новое строительство, потому что я ещё молода и впереди не только разочарования, но и победы. Я читала о том, что многие женщины старше меня уже не возводят воздушные замки, потому что у них не осталось надежды. Они не делают этого потому, что у них не осталось на это ни сил, ни желания. Когда они к чему-то прикасаются, всё сразу рушится. Я не из их числа: я ещё пытаюсь мечтать. Но всё, о чём мечтаю, за меня рушат другие. Возможно, когда-нибудь я стану такой, как те женщины, которые уже ничего не хотят создавать, но ещё не пришло время, и мне хочется созидать. Пока ещё хочется... По крайней мере хотелось до сегодняшнего дня.

Опомнившись, я вновь посмотрела вниз и подумала, что оборвать свою жизнь просто. Нужно закрыть глаза и сделать один-единственный шаг...

– Нет! – крикнула я и отошла от окна. – Нет! Нет! Нет!

Шагнуть вниз я успею всегда, а вот ещё пожить, решить, казалось бы, не разрешаемые проблемы мне надо! В конце концов, я ехала сюда не для того, чтобы вывалиться из окошка: лишиться себя жизни я могла бы и дома. Мне нужно доказать самой себе, что я сильная, что обязательно со всем справлюсь и что я чего-то стою. Я найду ключ. Я обязательно его найду и вырвусь из этого ада.

От отчаяния мне хотелось громко кричать, биться головой об стену, но я знала, что должна себя сдерживать, потому что криками и рыданиями я не смогу себе помочь, а скорее, наоборот, только усугублю ситуацию. Зловещая вонь в коридоре заставляла глаза слезиться, вызывала тошноту и головокружение.

– Протухший лук так не может пахнуть, – дрожащим голосом вновь сказала я вслух и принялась искать место, откуда так сильно воняет. – Это не лук... Это какая-то мертвечина... Господи, почему же здесь так сильно воняет? Разве можно запустить своё жилище до такой степени?

К моему удивлению, соседняя комната оказалась не заперта.

– Так вот откуда идёт вонь! – Достав из кармана носовой платок, я прикрыла им нос и вошла в комнату, которая, со слов мертвеца, принадлежала соседям. Подойдя к старинному массивному шкафу, я открыла дверцы и стала снимать с вешалок различную одежду, небрежно кидая её на пол. Теперь мне уже не приходилось сомневаться, что чудовищный

запах исходил именно из этого шкафа. Внезапно я вскрикнула и уронила носовой платок на пол.

– Кто бы мог подумать. Вот это да!

В шкафу, свернувшись калачиком, лежала связанная девушка. В том, что она была мертва, у меня не было ни малейших сомнений. Она лежала здесь не первый день – об этом говорил страшный запах. На девушке был костюм служанки и туфли знакомого фасона. Убитая казалась моего возраста и точно такой же комплекции, как и я. Странно, но на теле девушки не было заметно побоев. Ни ударов от плётки, ни ножевых ран, ни каких-либо пулевых ранений. Казалось, она уснула и может проснуться в любой момент. Складывалось впечатление, что девушка умерла сама. Хотя не исключено, что тут не обошлось без сумасшедшего «преподавателя»: по всей вероятности, он её отравил. Поняв, что больше не могу смотреть на это жуткое зрелище, я подняла с пола платок, вновь прикрыла им нос и закрыла шкаф. У меня возникло множество вопросов. Я не могла понять, почему Мышкин не избавился от трупа? Почему не вынес девушку из своей квартиры? Чего он ждал? Ведь с каждым днём запах становится всё сильнее и сильнее, и скоро ему будет тесно в стенах этой квартиры и он заполнит лестничную площадку. Интересно, а не отравил ли этот псих и меня? Ведь я пила ликёр... Я не видела, как он открывал бутылку, может, убийца что-нибудь подсыпал в неё?

Мне стало так плохо, что даже замутило. А может, это дей-

ствие яда замедленного действия и он начал свою разрушительную работу?..

– Нет, нет, нет, – замотала я головой в надежде, что не повторю судьбу несчастной незнакомки.

Я понимала, что нет времени решать все эти загадки, надо выбираться из проклятой квартиры любым способом. Нельзя же сидеть тут вечно! Ещё немного, и я сойду с ума!

Неожиданно раздался громкий, требовательный звонок в дверь. Я покрылась липким потом и чуть не закричала, но вовремя зажала себе рот ладонью. Метнувшись на кухню, я схватила пакет с уликами и растерянно оглянулась, не зная, куда его спрятать. Неожиданно послышался звук поворачиваемого в замке ключа. Я швырнула пакет на пол и шмыгнула за массивную кухонную дверь.

Глава 5

Я буквально прилипла к стене, вытянулась как струна и попыталась утихомирить бешеное биение сердца. Казалось, что его стук слышен даже в коридоре. Входная дверь распахнулась. По голосам я поняла, что в квартиру вошли мужчины, которые были, по всей видимости, сильно раздражены.

– Эй, Степаныч, ты почему гостей не встречаешь?! Тебе что, времени не хватило вдоволь покувыркаться?! Мы, как идиоты, твоего звонка ждём, а ты, видно, нас морочить вздумал! – крикнул один.

– Что за вонь? – спросил другой. – Сдох, что ли, кто? Эй, Степаныч, ты что, облажался, что ли?

– Воняет-то как, кошмар какой-то!

Боясь пошевелиться, я замерла ни жива ни мертва, решив, что как только гости зайдут в комнату Мышкина, пулей вылететь на лестничную клетку. Но видно, судьба решила добить меня окончательно, раз обстоятельства начали складываться против меня, то и она решила не оставить мне ни малейшего шанса на удачу или везение.

– Закрой дверь на всякий случай, – донёсся до меня мужской голос.

– Я и так её закрыл.

– На ключ запри.

– Ты думаешь, надо?

– А что тут думать?

– Как скажешь.

– Слышишь, в квартире тишина. Скорее всего, Степаныч хорошенько принял на грудь, накувыркался со своей новой дамой сердца и завалился спать. Сейчас мы зайдём, телка проснётся, нас увидит, перепугается, заорёт и постарается улизнуть. А это не входит в наши планы. Мы на неё большие надежды возлагаем.

– Ты прав. Девка сто пудов кинется к выходу.

Итак, дверь заперта... Я вновь вжалась в стену и ощутила, как от полнейшего бессилия и отчаяния по моим щекам потекли слёзы. Шанс на побег испарился за считанные секунды. Единственное, что мне оставалось, – прятаться за дверью до тех пор, пока они меня не найдут. А дальше... Я и подумать боялась, что будет после того, как меня обнаружат – Господи, помоги!

Я прижалась глазом к дверной щели, чтобы рассмотреть вошедших, и вздрогнула, увидев, что внешность одного мне хорошо знакома. Это был тот самый молодой человек, племянница которого якобы не поступила в институт.

– Одуреть!

– Что случилось?

– Да ты только посмотри, что тут творится!!!

– Степаныч, ты жив?! Степаныч!

– Замочили Степаныча...

– Смотри, плётка валяется.

– Видимо, он стал деваху бить, а она жახнула его статуэткой по башке. Степаныч мгновенно коньки откинул.

– Вот тебе и провинциальная дурочка. Степаныча-то прикончила. Кстати, по-видимому, это случилось совсем недавно. Матвей, а ты её хорошо запомнил?

– Ты имеешь в виду девку, которую сегодня Степаныч в институте клеил?

– Ту самую. А кого же ещё?

– Как сейчас перед глазами стоит.

– Это хорошо, что ты её отчетливо помнишь.

– Худая такая, высокая. Она Степанычу до последнего не верила. Уж слишком осторожна. Степаныч её долго обрабатывал. Я устал за этой картинкой наблюдать. Там столько девок стояло, одна краше другой, а Степаныч именно к этой привязался и с ней время терял. А она упёрлась, и всё тут. Я тогда не выдержал и применил отработанную схему: изобразил дядю, озабоченного судьбой своей не поступившей в институт племянницы. Девушка ресницами захлопала и ожила. Заглотила приманку за считанные секунды. Я отошёл, а она за Степанычем как привязанная побежала. В глаза ему преданно смотрела, сразу стало понятно – девка готова. Она за ним и в огонь, и в воду, и хоть на край света. Блин, кто бы мог подумать, что такое тут может произойти. Если бы я знал, что эта девушка на убийство способна...

– Матвей, а ведь это твоё упущение.

– С каких это щей?

– Конечно, твоё. Ты же ответственный. Распустил Степаныча. Его дело – девок клеить и сюда приводить. Они должны тут сидеть и дожидаться нашего прихода. А ты ему разрешил их трахать.

– Хотел как лучше. Всё-таки он человек уважаемый, с зоны откинулся. Соскучился, бедолага, по бабам, по ласке...

– Ага, по ласке... Он всегда был с отклонениями, девок начал, как в цирке, плёткой гонять! Девки битые были.

– Да я ему пытался мозги вправить. Клялся, что это было в последний раз.

– Да что стоят его клятвы?! Они гроша ломаного не стоят.

– Он жаловался, что по-хорошему ему не дают.

– Оно и понятно. Кто такому козлу просто так даст? Ему надо было девок клеить и в квартиру затаскивать, а он, видишь ли, решил ещё и на дармовщинку развлечься. Сидел бы тихо, был бы живой...

– Теперь-то что говорить? Девка его шлёпнула и сбежала. А мне вот всегда не нравилось, что он девок в институте клеит. Всё-таки рискованное предприятие – посторонний человек сразу привлекает к себе внимание.

– Да не вали ты с больной головы на здоровую. Я свою работу всегда нормально выполнял. Я всё продумал. Степаныч вообще не вызывал никаких подозрений, да и одет он был вполне прилично. В институте толпы студентов, абитуриенты, их родители, и ещё масса всякого разного люда толчется. Степаныч вид имел основательный, вызывал доверие.

Он лапшу на уши вешал, девки и велись на его сказки. Каждая хочет быть кинозвездой или прямой театральной. Да где ещё таких дур набитых отыскать, если не в театральном институте?

– На вокзале работать безопаснее.

– Ты думаешь? Там постоянно нас менты пасут. На вокзале суeta, а театральный институт – место, располагающее к доверию. Да и что об этом сейчас говорить? Уже поздно. Спорить бессмысленно. Степаныча нет, схема нарушена. И всё из-за того, что ты дал этому идиоту слишком много воли. Надо сейчас эту девку искать, теперь она от нас не отвертится. Где её найти?

– Я её по фотографии узнаю.

– А где ты фотографию возьмёшь?

– Она документы перед поступлением в приёмную комиссию сдала. В анкете есть фотография, адрес домашний, и, возможно, тот, по которому она на данный момент остановилась.

– Да после того как нашего орла грохнула, она вряд ли в Москве останется. Уже, наверное, от страха в свою деревню свалила.

– Вот там мы её и найдём. Только вот что с ней делать?

– Посмотрим, но за Степаныча она должна ответить. Думаю, что не стоит её пока сдавать ментам. Это мы всегда успеем. Она ещё пригодится. Выжмем её по полной. Думали, пустить красотку на поток, но после того как она такое

учудила, её будет ожидать другая участь. Матвей, а как ты получишь её анкету?

– Невозможного нет.

– Ты хочешь сказать, что нынче деньги решают всё?

– Ты сам всё знаешь.

– Это точно. Задал вопрос, заранее зная ответ.

– Сегодня же займусь этим. Послушай, а чего здесь вонь такая, словно в этой хате не один жмурик, а целый гарнизон?!

– Действительно, воняет так, что сознание потерять можно.

– По-моему, из соседней комнаты несёт.

– А ну, пошли, посмотрим.

Я по-прежнему стояла за дверью и боялась издать малейший звук. Я с трудом соображала, не понимая, что будет дальше. Либо меня найдут и разорвут на части, либо мне придётся торчать в этой квартире вместе с разлагающимися трупами непонятно до каких пор. Скорее всего до тех пор, пока я не умру здесь сама.

– Я тебе говорю, что это не та девка! – вновь донёсся до моих ушей чересчур возбуждённый мужской голос. – Та совсем другая была.

– Ты уверен?

– Да что ж я, дурак, что ли? Тем более смотри, какой запах. Эта девка тут чёрт знает сколько лежит.

– А кто она такая?

– Не знаю. Это известно только нашему покойному. Девка не первый день валяется в этом шкафу. Теперь я, кажется, кое-что понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Я уже Степаныча спрашивал, что у него за запашок странный в квартире, а он от ответа уходил, говорил, что то ли лук испортился, то ли картошка загнила. Я ему велел овощи перебрать и всю гниль выкинуть. А он, оказывается, вот что подразумевал под гнилой картошкой.

– Странно, на этой девице даже крови нет. Как она умерла-то?

– Действительно, как?! Он в неё не стрелял, не бил, не резал. Может, напугал чем?

– А что, разве от испуга умирают?

– Разрыв сердца, например.

– Пошли отсюда, а то задохнёмся. Вонючка такая, что уже нет сил дышать.

Услышав, что захлопнулась межкомнатная дверь, я затаила дыхание и присела на корточки. Мужчины прошли мимо меня на кухню и, не сговариваясь, как по команде, высунулись в окно.

– Что-то мне уже самому дурно, – произнёс тот, которого я видела в институте. – Вот старый хрен, дров нарубил!

– Судя по запаху, девка тут давно лежит.

– Пятый день.

– Откуда знаешь?

– Это та самая, которая от него якобы сбежала. Помнишь, пять дней назад он приводил очередную девицу? Степаныч тогда у нас три часа попросил, чтобы перед тем, как её отдать на поток, с ней развлечься. Помнишь или нет?

– Припоминаю.

– Мы тогда за городом задержались. Приехали только к ночи. Явились сюда, а Степаныч объявил, что девица смылась. Мы с ним в этот вечер поскандалили по-крупному. Предупредили по-взрослому, потому что в нашем деле проколы невозможны. Девка ведь, несмотря на то что приезжая, и до милиции доскакать может, а Степаныч недавно с зоны вернулся. Он клялся, что больше такого не повторится, а сам вёл себя как-то странно. Чудной был какой-то. Я ещё списал его поведение на то, что он выпил.

– Всё, вспомнил. Скорее всего, покойничек нас вокруг пальца обвёл. Девку прикончил и спрятал в шкафу.

– Но ведь она связана.

– Ты это к чему говоришь?

– К тому, что не мог же он связать её мертвую – в этом нет никакого смысла. Не для того же он её скрутил, чтобы она поместилась в шкафу покомпактнее. Бред какой-то!

– Ты прав. Он связал её живой, только зачем?

– Он же любил всякие извращения. Может, хотел её таким образом напугать?

– Ага, а у неё от страха произошёл разрыв сердца.

– А может, он её отравил?

– Исключено. Он знал, что мы приедем и девица нам нужна живая.

Эти слова хоть немного развеяли мои опасения, что покойный господин Мышкин отравил меня ядом замедленного действия. Теперь я знала, что яд здесь ни при чём, но я не была застрахована от того, что тоже умру от разрыва сердца.

– Ну Степаныч, ну старый аферист! Почему он нам ничего не сказал?

– Решил скрыть.

– Ну, а на что он надеялся? Почему не избавился от трупа?

– Кто его знает... Выжидал.

– Чего он ждал? Того, что забьют тревогу соседи по лестничной клетке?

– Откуда я знаю? Ты так на меня смотришь, будто я скрыл труп, а не Степаныч. Откуда я знаю, чем он руководствовался и что было у старого на уме? Я не сомневаюсь, что он поджидал подходящего случая, чтобы вынести труп из квартиры, но только этот случай слишком долго не подворачивался. Слишком он намудрил. Ладно, ты лучше подумай, как мы всю эту ситуацию Чёрному преподнесём? Он с нас за всё, что произошло, шкуру снимет.

– А мы тут при чём? Мы сами всего лишь случайные свидетели.

– Свидетели не свидетели, но мы Степанычу позволяли много того, что делать ему не следовало. Ты сам понимаешь, что это недопустимо.

– Сейчас самое главное деваху найти, которая нашего умельца шлёпнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.